

Дмитрий Сенчаков

ВНИМАНИЕ... МАРШ!

16+

Дмитрий Сенчаков

Внимание... Марш!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51762488

SelfPub; 2023

Аннотация

1988 год. Подающие надежды кандидаты в мастера спорта СССР по лёгкой атлетике призваны в спортроту. Как выиграть чемпионат СССР с рекордом, если ты далеко не фаворит? Как победить на войсковых соревнованиях, если ты ни разу не подошёл в сапогах к брусьям и турнику? Вольное повествование о легкоатлетической школе московского «Динамо», преисполненное самобытным юмором и юношеским максимализмом, вплетается в подлинную историю некогда могучей державы. С искренней любовью и вниманием к деталям восстановлена атмосфера утраченной эпохи, определившая судьбы главных героев, представителей потерянного поколения. В обширную географию романа вплетены яркие персонажи, искромётные истории и поэзия. Дружба и соперничество, дерзкие выходки и первая любовь – об этом, и не только. Наконец-то в мировой литературе появилась художественная книга о легкоатлетах. Роман звучал голосом мастера живого слова, Александра Лидогостера. Попутно тщательно реконструирован звуковой фон тех ушедших дней.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Презумпция наивности	7
Глава 2. Тимур и его командос	32
Глава 3. Назвался гвоздём – забейся!	62
Глава 4. Женщина, которая поэт	83
Глава 5. Мартышка и качки	104
Глава 6. Великий волшебник и Волшебный великан	128
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Дмитрий Сенчаков

Внимание... Марш!

*Потерянному поколению советских юношей
и девушек (1968-1973 г.р.) посвящается*

Предисловие

Может ли кто-нибудь точно назвать минуту, день, год, когда окончилась его юность? Может быть в тот момент, когда свежие булочки перестали пахнуть радостью, а стали просто ванильными, или когда ты понял, почему «Пижамные люди» вместо того, чтобы хулиганить, на гастролях играют в шахматы, читают книжки, знакомятся с достопримечательностями?

А может тогда, когда после произнесения торжественных слов присяги: «...быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров...», ты вдруг осознаешь, что буквосочетание «КВН» в армии означает «Кому Вы Нужны»?..

Юность оканчивается нахлынувшей вдруг пустотой и разочарованием в тех, кого считал близкими людьми, и пониманием того, что и сам оказался не очень-то хорошим другом...

Аромат юности уносится вместе с молочным запахом девичьих губ и чего-то запретного, ускользающего, источаемого нежной загорелой кожей. Когда стрелки, замершие на всех часах земли, вдруг, вздрогнув, как будто проснувшись и одумавшись, начинают свой рациональный и предсказуемый

ход, более не отвлекаясь на такие мелочи, как эти ароматы...

А может быть, юность героев романа «Внимание... Марш!» окончилась, когда перестала существовать их страна? Или когда самый слабый и смешной человечек, который ставил всех в тупик своими похождениями, вдруг оказался героем?

Ритка и Стася. Кирилл, Лёнч, Равиль, Женька... Кандидаты в мастера спорта страны, которой больше нет... История легкоатлетической школы московского «Динамо», становясь частью истории некогда могучей империи, под рёв беспилотного «Бурана» и грохот десятибалльной трагедии вплетается в память и судьбы главных героев романа – представителей потерянного поколения...

Светлана Заболоцкая

* * *

*А стройотряды уходят дальше.
А строй гитары не терпит фальши.
И наш словесный максимализм
Проверит время, проверит жизнь.*

Николай Добронравов, 1976 год

Глава 1. Презумпция наивности

С майором нашим нам повезло. Хотя и вольнонаёмный кадровый офицер, но по натуре такой же вольнолюбивый, как и все спортсмены – неважно, бывшие или настоящие. Первым барским его жестом было отправить нас обратно по домам к маменькам, после того, как вытащил нас из утробы Городского сборного пункта на Угрешской улице. Ибо пилить с нами, новобранцами, своим ходом в часть ему было скучно. А может, майор был суеверен? Так или иначе, забри-вание в армию с пятницы, тринадцатого мая, откладывалось на сутки.

Тряслись в двадцатом трамвае до «Пролетарской» (ведь ни «Кожуховской», ни, тем более, «Дубровки» тогда ещё и в помине не было)¹. Майор, формально распустив нас ещё на остановке, уселся в голове вагона и всю дорогу игнорировал наше присутствие, в то время как мы, четверо молодых оболтусов, оживлённо перебалтывались, болтаясь без дела на задней площадке.

Вернувшись, как ни в чём не бывало, домой, словно из какой-нибудь штатной командировки в ближайшее Подмосковье, я для начала навернул бабулиного борща. Ломоть ароматного круглого «Московского» оттенил своими вкусными

¹ Станция метро «Кожуховская» открыта в 1995 году, а «Дубровка» в 1999 году.

корочками раскрасневшуюся от свёклы капусту и разваренную картошку. Бабуля придвинула чашку с компотом, присела на табурет, и теперь подробно рассматривает, как я ем. Дождалась момента, когда я вытер рот рукавом, и принялась расспрашивать меня про армию.

– Армия, это такое дело... – попытался рассказать я, прищёлкивая языком, который всё ещё боролся с налипшими на зубы остатками урюка из компота. – Это такое дело... Ну, в общем, спрятались мы на угрешке в спортзал, как майор нам велел. Чтобы отсидеться, кто бы нас ни вызывал. А он нас типа сам найдёт, когда приедет... Ну, и там на матах заснули... Майор, как выяснилось, четыре часа нас искал, нигде найти не мог. Мы ведь к девяти утра из военкоматов подъехали, а майор, оказывается, уже в начале десятого там был. Ну, пожурил нас, конечно. Вот, домой отпустил...

– И что ж теперь-то? – недоумённо полюбопытствовала бабуля.

– Теперь – завтра утром. Станция метро «Ленино»². В центре зала.

– Поди ж ты...

Я чмокнул бабулю в щёку, поблагодарил за вкусный обед и поплёлся в комнату собираться на тренировку. Раздался телефонный звонок. В трубке – Машка.

– Ты дома?

– Дома.

² С 5 ноября 1990 года – «Царицыно».

– Почему? Тебя комиссовали? – стебётся Машка.

– Пока ещё нет, – оправдываюсь я. – Просто отпустили на побывку. А ты откуда знаешь?

– Мамка тебя видела. Ты вверх по эскалатору на «Рижской», она – вниз. Звонит, вся такая, с работы: боец твой, говорит, на квартиру вернулся, напрасно ты его вчера столь задушевно проводила. Ржала мне в трубку.

– Тут она права, – солидаризируюсь с её мамашей. – Действительно, напрасно. Что сподвигло тебя на подвиг... чёрт, коряво выразился... э-э-э, лишиться, так сказать, презумпции невинности?

– Козёл! – обиделась Машка.

– Уж не собираешься ли ты ждать молодого бойца два года?

Машка промолчала.

– Я на тренировку собираюсь.

– Вечером зайду? – кротко постулировала Машка. Знак вопроса можно смело опустить.

– Заходи, – со вздохом, не лишённым вымученного артистизма, сдался я.

Троллейбус запнулся на стрелке, клацнул релейной группой, доехал до остановки и расхлопнул широкие среднюю и заднюю двери. Я убедительно заглянул в глаза водителю, сидящей в метре от меня за стеклом с трафаретными надписями. Та нехотя щёлкнула тумблером и распахнула третью, то есть узенькую переднюю дверь. Я кивнул и вы-

прыгнул с площадки аккуратно к почерневшей бронзовой памятной табличке художника Грабаря Игоря Эммануиловича³, прилаженной к некогда белой стене московского дома⁴. Городской транспорт отвалил, освобождая проезжую часть для перехода. Я перебрался на сторону Петровского парка, проскочив перед недовольным голубым москвичонком. Фыркнув сизым дымком, москвиченок пылит дальше, я же миную ворота и шагаю аллеей.

На ступеньках столкнулся с Ленкой. Та поправляла прическу – только выскочила из манежа, и было видно, что не хватило запаса времени прихорашиваться. Кожаная курточка была распахнута. Белую футболку как всегда у Ленки натягивали её особенные крупные сосцы.

– Опа! – удивилась Ленка. – Тебя вроде ж забрали?

– Не дождётесь, – врезал ей фразой из анекдота про старого еврея.

– Смотри, а то патруль сцапает.

– Завтра сам сдамся, – парирую в ответ.

– А что ты сегодня после тренировки делаешь? – прикусив верхнюю губу, с особым своим фирменным прищуром мониторит Ленка.

– Наслаждаюсь послепоследним вечером на воле, – признался я.

³ Грабарь Игорь Эммануилович (1871-1960) – русский и советский живописец, народный художник СССР (1956).

⁴ МОСХ – Московское отделение Союза художников РСФСР (с 1959 г.).

– Как это?

– Последний был вчера, – пояснил я и вспомнил, как ласкал Машку.

– А-а...

Она там что-то себе думает, оценивающе рассматривает меня. А я улыбаюсь во всю ширь лица и подбадриваю её движениями век. Наконец Ленка открывает рот, чтобы сформулировать свою идею. Но мне уже смешно. Я хлопаю её по плечу и спрашиваю:

– Ленка, а Ленк! О чём это твоё фамилие такое – Москва? Вроде буква лишняя, а? Нет?

– Дурак, – фыркнула Ленка и брызнула по ступенькам вниз, к метро. Кроссы её белые только и засверкали...

Динамовский манеж гудел, словно шмелиный рой, деловито сновавший беговыми дорожками и секторами для разного рода прыжков и метаний. Щелкали обрушиваемые барьеры, звенел отбрасываемый шест, ухали и пружинили ядра. Плюхались в маты тела спортсменов. Пели тренерские свистки. Под сводами манежа громоздились наставнические окрики, откровения метателей, выдыхающих в голос, и воркование голубей. В огромные (в пол) окна врывалось молодое майское солнце. Розовый тартан⁵ млел ему навстречу, грелся и вкусно пах родной спортивной резиной. В столбах света вилась вековая пыль. Бегуны резвились на дорожке.

⁵ Тартановая дорожка – наливное полиуретановое покрытие беговой дорожки с резиновой крошкой.

Пахли свежим рабочим по́том. В секторе для метания ядра пахло свежевыпущенными газами. Это Серёга Рубцов шёл на неофициальный рекорд СДЮШОР⁶ «Динамо».

Размявшись, я встал в колодки. Прodelал это основательно и неторопливо. На «внимании» поиграл весом тела, распределяя его на четыре опоры. На самом деле – на шесть точек, так как большой палец и остальные четыре пальца создавали надёжную двойную опору для каждой из рук. Выпорхнул из колодок легко и непринуждённо. Частота работы коленей, «дизельная» тяга, положение спины – всё как надо. Н-А-Д-О. Назвался Атлетом – Делай Образцово.

– Вот смотрю я на тебя, – проходит мимо меня конкурирующий тренер Сан Саныч. – Каждый раз думаю – заснёшь ты в этих колодках. Словно в гамаке на ночь устраиваешься. А как выбежишь – прям орёл! И пруха у тебя есть, и техника неплохая! Вот скорости бы тебе добавить!..

– Куда ж быстрее, Сан Саныч? – отшучиваюсь я. – Ваших я и так порву.

– Э-эх, что тебе мои сопляки? Тебе в сборную надо пробиваться.

– А мне и так хорошо, Сан Саныч. Уж поверьте.

– Ну-ну...

Подхожу к Дёмину. Во рту у него свисток. Смотрит в секундомер, даёт короткую пронзительную команду. Стайка младших девчонок скатывается с виража в густую толпу «на

⁶ Специализированная детско-юношеская школа олимпийского резерва.

прямых». Бегут легко, радостно, задорно. У них это только второй отрезок из четырёх первой серии. А потом ещё серия. Эта будет уже не в радость – начнётся настоящая работа. Дыхалка, сердцебиение, молочная кислота в молоденьких мышцах, упакованных в молоденькую вспотевшую кожу. А если кто обедал перед тренировкой – ещё и слоников рожать придётся. Вот и посмотрим, как пойдут пешком на последних отрезках. Дёмин вновь засекает время на отдых девочкам.

– Никафёдч, ну, как бы, здрасти, – смущённо говорю я шефу.

– Привет. Ты откуда тут?

– На троллейбусе приехал. Как обычно.

– Ты должен в учебке быть.

– Майор на завтра перенёс.

– Вечно Порфирий чудит.

– Так точно.

– Вольно. Что ж так рано пришел? Генка и остальные через час только подтянутся.

– Душевный порыв, Никафёдч, не ругайте.

– У меня для тебя плана тренировки на сегодня нет. Пинай балду.

– Сегодня и так целый день балдоворот балды в природе, – киваю я.

– Мордатенков сказал, когда присяга?

– Ничего он не сказал... Впрочем, нет, сказал. Завтра

утром, метро «Ленино», в центре зала.

– Всё?

– Всё.

– Клоун. Я сам с ним поговорю. Тебе в Минск, на первенство ЦС «Динамо»⁷ ехать...

– Так вроде сначала наше внутреннее первенство, Московского городского совета «Динамо».

– Верно, но его можно в экстренном случае и пропустить. А ЦС нельзя.

– Не собираюсь я его пропускать. Открытие сезона.

Никафёдч усмехнулся.

– Сезон вы открывали второго мая. Эстафетой на приз «Вечёрки» по Садовому кольцу.

– Ага, в плюс семь с дождём тупили шипы о каменистый асфальт.

– Не повезло с погодкой в этом году. Бывает.

– Зато повезло, что никто не порвался. Обидно было бы схватить травму на этой ерунде. Ну, я-то хотя бы подхватил в аптеке фанфурик меновазина, растёрся заранее, а как другие – не знаю.

– Не заводись, – отмахнулся Никафёдч. – Раньше в спорткомитете гнали волну по поводу повышенного риска получения травм на этой эстафете. А один раз, в 1959 году, её даже отменили. Но с тех пор эта тема мало кем поднимается.

Ничего себе, удивился я. Отменили эстафету в связи с по-

⁷ Центральный совет физкультурно-спортивного общества «Динамо».

вышенным риском травмироваться! Подумать только! Я и не знал что такое возможно в нашей системе.

Ежегодная легкоатлетическая эстафета на приз газеты «Вечерняя Москва» традиционно проходит на Садовом кольце второго мая каждого года. Полный круг 17,6 километров делится на двадцать мужских и десять женских этапов, длиной от 200 метров на Таганке до 1150 метров на Краснохолмском мосту, где традиционно разыгрывается дополнительный приз имени братьев Знаменских. Все московские клубы выставляют сборные команды бегунов, от спринтеров до стайеров. Старт/финиш на площади Маяковского. Я традиционно бежал самый короткий, двухсотметровый этап в горку на Таганке. Ну а выиграли, как водится, Профсоюзы. Куда было «Спартаку» тягаться с ЦСКА и «Динамо», но теперь, когда все профсоюзные клубы слились в одну мощную команду – наоборот, странно было бы проиграть.

Без Женьки, которого призывали в армию на пару недель раньше, тренироваться было скучно. Когда все пинки для балды были израсходованы, отправился восвояси. Заняв своё коронное (у узкой передней двери) мягкое место, так, чтобы был великолепный обзор по ходу движения, вставляю в Walkman кассету с группой Tuxedomoon. Троллейбус шестит рогами по толстым проводам. Водительша (та же самая) уверенно педалирует вагон о четырёх колёсах. Клацают контакты. Гудит электротягло. Пассажиры клацают компостерами – пробивают талончики.

Таким образом, семантика не работает.
Эту жизнь мы проживаем, только делая дело,
А органами чувств, возможно, придётся пожертвовать.
Таким образом, я просто хочу сказать,
Что так же, как и вы, я должен найти способ,
Чтобы рассказать вам всё, так ничего и не сказав.

(Господи!) Дай мне слова,
Но ничего не говори мне при этом.
Ох, (Господи!), дай же слова,
Которые скажут мне обо всём.⁸

В Марьиной Роще подсаживаются две контролёры. Одну, в косынке, я помню, вторая – в больших черепаховых очках, новенькая. Суется. Жестикулирует. Губы шевелятся. Слов не слышу – в ушах, как вы уже догадались, песня «Таким образом». Пришлось снимать наушники...

– ...В каком институте учиться?

– А разница какая?

– У вас студенческий проездной. Без предъявления студенческого билета – недействителен.

– Как-то не вожу с собой студенческий. Ни разу не спрашивал никто.

Жду реакции.

⁸ Tuxedomoon *In a Manner of Speaking* (Holy Wars, 1985).

– А завтра вообще в армию ухожу, – зачем-то добавляю спустя секунды.

Дама смутилась.

– Мой на Дальнем Востоке служит, – поделилась она со мной сокровенным. – Полгода ещё.

– Ну и нормально. Не в Афгане же он.

– Отпуск ему не дали. Обещали, но там у них склад с валенками сгорел. А он в ту ночь на посту стоял. Вот собак на него и спустили, – вздохнула женщина.

– А зачем в армии валенки? – не понял я.

– Там морозы до минус сорока бывают...

– Кирзачи, как целлулоид, лопаются? – не выдержал я и засмеялся.

– Ладно, сынок, езжай...

– А буду солдатом – без билета буду ездить? Или штрафанёте?

– Если командировочное удостоверение на руках – едешь бесплатно, – вмешалась опытная контролёрша. – Если нет, не только оштрафуем, но и патруль вызовем.

– И военный билет не забывай, – поддакнула новенькая, – без него никак. Это студенческий нам... ну мы его сквозь пальцы проверяем... Армейские порядки иные...

– Спасибо за совет, – искренне благодарю я.

– А тех, кто в военной форме едет, мы вообще ни о чём не спрашиваем, – добавила бывалая.

Тем временем, вымороженные долгоиграющими светофо-

рами перед Гиляровского и проспектом Мира, мы перевалили площадь Рижского вокзала. Конечная. Водительша зевнула с потягушками и отправилась в диспетчерскую отмечать путевой лист. Контроль побрёл на переход через Сущёвский вал окучивать следующий попутный (или в данном случае поперечный) городской транспорт. Я нырнул во двор серой кооперативной шестнадцатэтажки, первой из трёх, что расположились между проспектом Мира и Большой Переяславкой. Машка жила в третьей. Мы с ней одноклассники. Загораживая школьную доску, Машкин затылок промаячил перед моим носом десять лет. Сначала с тяжёлой косой. Потом с короткими косичками по бокам. Затем вновь с копной волос. Копна сменилась каре. Ну и так далее, всех метаморфоз не упомянуть.

Минуя двор, беру правее, к ларьку с квасом. В очереди трое. Из них двое с бидонами. Третий – Вася Васильков. В проёме основательных сталинских жилых домов снуют по проспекту такси с зелёными огоньками. Громяхают разбитые грузовики. Тарахтят «Запорожцы» и мотоциклы с яйцевидным придатком – коляской. Шелестят «Жигули». С сиреной пронесся «рафик» скорой помощи. В «Склиф» торопится (левая стрелка на Астраханский после кольцевого метро). По тротуару семят два абсолютно одинаковых ребёнка и держат за руки одну и ту же маму.

– Привет! – трогаю Васю за плечо.

– Привет! – оборачивается он.

– Ты как здесь?

– Брожу. Смотри, что нашёл! – Вася роется в кармане и извлекает горсть цветных обрывков.

Я присматриваюсь. Батюшки! Это ж сторублёвки!

– Кто же их порвал?

– А мне почём знать? Иду по тротуару. Смотрю – что-то яркое коричневеет. Присмотрелся – не понял. Нагнулся – а там мазня какая-то и серия гознаковского шрифта. Ну, я сначала решил, что лотерейный билет какой. Не выигравший. А потом думаю, дай-ка изучу поближе. Только подобрал, заметил рядом ещё один кусочек. Потом ещё, а в трёх метрах ещё один. Ну, я собрал их. Разложил на ладони. И понимаю, что это наши советские целковые. В максимальном их, так сказать, воплощении. Сторублёвки! Стою, озираюсь вокруг. В стороне вижу ещё несколько обрывков, потом ещё... Наконец замечаю, что вдоль тротуара течёт ручей, а в воде бегут такие же бумажечки. Ну, я и мокрые все пособирал, что нашёл. Жаль, вода убежала в подмосковные татарары...

– В ливнёвку, что ли? – не понял я.

– Самую, что ни на есть, – кивнул Вася. – Последний обрывок прямо с решётки снял. Чудом не смыло. Вот так! Ща кваса напьюсь, пойду на лавочку во дворик какой – раскладывать буду. Это ж богатство!

– Это обрывки, Вася! – аккуратно напоминаю ему я.

– И что с того? Их же обменять можно в Госбанке на На-стасьинском. Дом четыре. На целые.

– Откуда ты знаешь?

– Да все знают, – пожал плечами Вася, – не тайна.

Ох, и вкусен этот квас! Особенно после тренировки. Даже если пинал балду. А та пинаясь в ответ. Основательно, кстати, напинался. Двенадцать отрезков с низкого старта. Вирази, а потом ещё приседы со штангой, чередующиеся с прыжками с места. Во всеоружии ухожу в армию. Завтра спина и задние поверхности бёдер отваливаться будут. Трентальчика надо бы за подкладку зашить, подумал я, и пнул пустую консервную банку. Та улетела в подворотню с гулким грохотом.

– Хулиган! – взвизгнула бабуса в сером плаще.

– Ещё какой! – отозвался я и скорчил гнусную рожу. Бабка отшатнулась.

– Вырастили окаянных... – бабуса перекрестилась и засеменила прочь.

Мы с Васей немного поржали, кивнули друг другу, и разбежались по своим делам.

Я зашёл в комиссионку. Ту, что в бывших Спорттоварах открыли. Янтарный кулон, что привёз из Клайпеды прошлым летом, по-прежнему не продан, лежит на витрине, запылится уже. Кабы знал, что такая засада. И кольцо, и серёжки, и даже аляповатый перстень (все из балтийской янтарной коллекции) давно улетели. Деньги за вычетом комиссии в обмен на предъяву паспорта получены. А кулон оказался никому не нужен. Я и сам уже почти забыл. Стою, смотрю на него и понимаю, что надо забирать. Нечего ему тут делать.

Без перспектив.

В ладони он оказался тёплым. Забагровел, залучился в предзакатном солнце. Так и шагал к дому. На лице улыбка. В кулаке – кусочек янтаря.

Мама пришла с работы минут пятнадцать назад. Успела переодеться в халат, уже начистила картошки, сейчас подметает коридор. Мне только и осталось, что подхватить ведро и вынести мусор.

Ввалился в свою комнату. Рухнул на тахту. Руки за голову. Взгляд на трещину в потолке. Вскочил. Надавил клавишу «пуск» на заслуженной «Электронике-311». Кассета запустилась с того самого места, на котором всё закончилось в прошлый раз. А именно: Фрэнк Заппа «Пижамные люди»⁹. Песня о музыкантах-паиньках, которые, вместо того, чтобы хулиганить на гастролях, играют в шахматы, читают книжки, знакомятся с достопримечательностями. По мнению Фрэнка, как можно по-настоящему отрываться и развлекать массы, если ты трезв и не под кайфом? Но самое неприятное, что все они на ночь одевают пижаму!

С этими всё понятно. Нажимаю «стоп». Переворачиваю кассету. Там обнаруживается то, что потрафит моменту. Один из самых глупых Запповских номеров, длиннющая «Маленькая зелёная розеточка». Бестолковая навязчивая песня из двух строк, однако, с приятным развлекательным уклоном, что поднимает настроение. В коде Заппа поёт

⁹ Frank Zappa *Po-Jama People* (One Size Fits All, 1975).

нижеследующие строчки (делаю погромче):

Теперь вы видите, в некоторых странах третьего мира

Может оказаться сложно танцевать под эту песню,

Потому что проигрыватель на керосине –

Не самое эффективное устройство.

Часто жижа заканчивается прямо на середине припева.

Однако мы продолжаем, несмотря на то,

Что топлива может быть мало в вашем проигрывателе.

Эту песню мы предлагаем также четвёртому миру,

Там, где действительно тяжело.

Ведь ребята поддерживают работу проигрывателя,

Потирая две палочки друг об друга.

Если ничего не помогает, ну тогда просто выбросьте пластинку.¹⁰

Минуты через три раздаётся отчётливый стук молотком по стояку центрального отопления. И почему моих соседей не расслабляет эта музыка? Вырубил кассетник. Поплёлся на кухню.

Пужинали. Напились чаю. По телеку – «Служебный роман»¹¹. Чтобы найти кого-то... Весь мир готов я обойти... Никуда идти не пришлось. Машка сама пришла. На её со-

¹⁰ Frank Zappa *Little Green Rosetta* (Joe's Garage, Acts II & III, 1979).

¹¹ Режиссёр Эльдар Рязанов. Премьера 26 октября 1977 года.

всем не игрушечных телесах – чёрное воздушное платье с пышным воланом юбок. Впрочем, коротковатых. Большие Машкины колени не прикрыты. Машка берет мою ладонь и кладёт себе на бедро, куда-то выше ватерлинии. Я невольно нащупываю кружева чулка.

– Ты в чулках?

– Представь себе! Впервые в жизни. Они на липучках. Новая мода... Папка из Праги привёз.

Папаша у неё – учёное светило. Постоянно по симпозиумам мотается.

– Всё когда-то бывает в первый раз, – задумчиво говорю я. – И первая рюмка водки натошак тоже.

Машка меня не слышит. Оказывается, она только из консерватории. Моя музыкантша больших форм была на концерте. Владимир Спиваков и «Виртуозы Москвы»¹². В программе – Чайковский, Свиридов, Прокофьев. Теперь перевозбуждена. Повалила меня на тахту, накрыла юбками... Лезет целоваться. Нашла коса на камень. Я ж разбит после тренировки. Мне не до либидо. Устал по самый си-бемоль. Но Машке однофигственно. Наступает всеми флангами сразу. Сверху и вокруг.

– Машк, как же ты дожила без секса до вчерашнего вече-

¹² Владимир Теодорович Спиваков (р. 1944) – советский, российский дирижёр, скрипач, педагог, народный артист СССР (1990). Художественный руководитель Национального филармонического оркестра России и Государственного камерного оркестра «Виртуозы Москвы» (создан в 1979), президент Московского международного Дома музыки.

ра?

– Сама не знаю, – отвечает и смеётся. – А главное, не понимаю, зачем?

– Воспитание, наверно, – подсказываю я.

Забалтываю девушку, чтобы защитить свою стремительно ущемляющуюся свободу и оттянуть момент капитуляции.

– Наверно. Маме вчера вечером рассказала, а она удивилась. Говорит: я думала, ты давно уже... Вот так!

– Вот как так?

– Вот как так что?

– Что-то вот как-то так, да...

– Да ну тебя.

– И поделом мне.

– Завтра опять в армию?

– Снова, Машк, сно-ва!

– Ну, давай уже... Надевай его на себя...

– Их нет. Ты забыла? Вчера ж и закончились.

– Как??? И ты не купил?

– Да как-то забыл...

– Ты идиот?

– Не исключено.

– Ты думаешь, девочка должна идти в аптеку?

– Вариант.

– Хрен тебе!

– Ну, тогда...

– Что тогда? – не терпится Машке.

– Вся жизнь впереди... Раздёнсья и жди... – негромко пропел я.

Ну вот. Приложила меня по щеке. Не сильно. Но душевно. С хлёстким щелчком.

– Входи так, болван. Только не вздумай пичкать меня своими сливками.

– Уж тогда скорее фаршировать, Машк. Пичкают обычно в рот.

– Ещё чего! – вспыхнула Машка. – А впрочем... Это же моя главная эротическая фантазия пубертатного периода. Давай как-нибудь попробуем!

– Маша, ты – монстр! Тебе не восемнадцать, а все...

– Девятнадцать. Да, через двадцать шесть дней. Не забудь!

– А чего откладывать? Мне завтра в армию идти. Давай я тебе сейчас подарок подарю, – завёлся я.

Вскочил с тахты и схватил с письменного стола янтарный кулончик.

– Вот!

– Ах, какая прелесть! – зашелестела Машка. Всё в ней зашелестело. Губы. Юбки. Волосы. Ресницы. Она посмотрела на меня с крайней степенью плотоядства.

Я понял – пора сдаваться. Поцелуя не избежать. Ну и последующего тоже.

Тикали часы. Бормотал за стенкой телевизор. Скрипели паркетом соседи сверху. По карнизу стучал преднощный майский дождь. Расслабленная Машка утвердила свою голо-

ву на моём плече. Разбросала волосы. Лежит за моим ухом, сереет глазами. Ресницы хлопают, как крылья дракона. Раскрасневшиеся губы, в конце концов, успокоились...

– А у тебя другие девочки были? – копнула она с ходу на штык лопаты.

Несмотря на такой беспардонный наглёж, врать не хотелось.

– Была. Одна... Ещё в десятом классе. Могло быть и больше, – вспоминаю Ленкины сосцы под футболкой.

– Ну и почему?

– Да тюфяк я. Мечтательный мужчина.

– Какой же ты тюфяк? Повалил меня вчера. За сиську схватил.

– Вообще-то я так не умею, – оправдывался я. – Это когда ты в комнате, кругом твои буфера.

– Что?

– Ну, эти... Бемоли! – быстро нашёлся я. – Не протиснуться. Обязательно их заденешь.

– Ага, скажи ещё, я тебя спровоцировала. Я вообще не думала о тебе, как о мужчине. Не веришь?

– Ну почему... Верю. Я и сам о тебе не думал, как о женщине, – усмехнулся я.

– Да ну тебя. Я серьёзно. С твоими талантами у тебя уже много девчонок должно было быть.

– Да нет никаких талантов, – отмахнулся я. – С теми, кто мне нравится – я робею. С иными – смелый...

– Я тебе не нравлюсь?

– Мне нравится, как ты на скрипке играешь.

– Дипломат хренов! Мне наплевать, если я тебе не нравлюсь. Зато меня всё устраивает, – прорычала Машка и отвернулась, застив своей большой спиной полмира.

– Слонышко моё, – прошептал я. Машка не расслышала. Переспрашивать не стала из вредности.

Не скажешь же ей, что меня худышки заводят. Мне нужны все эти косточки выступающие: пирамидки на плечах, за которые удобно цепляется ремешок сумочки; ключицы, рёбрышки, косточки подвздошные, скобочки на бёдрах, острые коленочки. Проблема же моя в том, что сам постоянно нравлюсь большим девушкам. Оне¹³ выбирают меня, смело навязывают своё общество. Своё плотоядство. Вот и наглею с ними. Распускаю руки. Получаю по мордасам. Хотел бы получать по мордасам хлёсткими маленькими ручонками – но где уж там. Язык немеет.

– Рыцарь печального дикобраза.

– Что? – буркнула Машка.

– Это я про себя. В буквальном смысле, – позлорадствовал я, но остался не расслышанным и непонятым. Ну и к счастью...

– Блин! Я ж эклеры принесла! Из консерватории! – вскричала Машка и тут же вскочила. Тахта с непривычки угрожа-

¹³ Архаичная форма местоимения 3-го лица, женский род, множественное число (он, она, они, оне).

юще заскрипела.

– Консервированные?

– Дурак, – покачала то ли головой, то ли волосами Машка. – Консерваторские! Их срочно надо съедать. Там на коробочке написано.

– Что, так прямо и написано: «съешьте нас поскорее»?

– Да, там часы указаны, в течение которых они свежие.

– А там заодно не написано, они одноразовые, и их надо съедать насовсем? Или можно потом переждать заново?

Машка не знает, как ей реагировать на меня. Смотрит на часы, охает и вскакивает окончательно. Немнущиеся чёрные юбки медленно опадают, прикрывая поддон и телесные капроновые кружева. Размашисто крутит номер на телефонном диске. Польский аппарат RWT чудом сдерживает её энергию и нажим.

– погоди, мне надо сделать важный звонок. Насчёт Конкурса молодых исполнителей.

Заговорила на птичьем языке третьей скрипки молодёжного оркестра. Тит Яныч, у меня два сольника подготовлено. Нет, колупать¹⁴ не буду. Дворжак. Концерт для скрипки с оркестром ля минор.¹⁵ Первая часть «аллегро нон троппо». А кто завтра в курятнике¹⁶ будет? Тит Яныч, найдите, наконец,

¹⁴ Исполнять недоученное, плохо отрепетированное произведение.

¹⁵ Антонин Дворжак (1841-1904) – Концерт для скрипки с оркестром ля минор, опус 53, № 108 по каталогу Бургхауса (1879-1882 гг.).

¹⁶ Группа деревянных и язычковых духовых инструментов в оркестре.

подсадного¹⁷ на сучок¹⁸! Да, этот то гундосит, то сквалыжит, а то и вовсе на полкирпича¹⁹ ниже. Каждый раз приходится на него клапана спускать²⁰. Да-да, Тит Яныч, и Гайдн. Обязательно. Концерт для скрипки и фортепиано соль мажор.²¹ Но там сплошь икра²² в «аллегро модерато»! Семикромы и бискромы!²³ Кстати, Тит Яныч, а кто на фортеплясах будет? Ага. Ясно.

Машка раскраснелась, глаза разгорелись: два уголька в полумраке. Вертит головой – по комнате пляшут полутени. Пальцы теребят невинную спиральку телефонного шнура. Топчет паркет – тот поскрипывает под Машкой, будто деликатно откашливается, тщетно пытаясь привлечь внимание. Трубка долго сопит Тит Янычем. Наконец, Машка вновь перехватывает у него микрофон.

– Сам Коган²⁴ будет в жюри? Что, и Гидон Кремер²⁵? Вот

¹⁷ Приглашенный в слабый оркестр музыкант из сильного оркестра с целью укрепления звучания.

¹⁸ Кларнет.

¹⁹ На полтона.

²⁰ Выпускать пар.

²¹ Йозеф Гайдн (1732-1809) – Концерт для скрипки и фортепиано соль мажор (1769 г.) НОВ VIIA: 4.

²² Множество мелких нот (шестнадцатых и тридцатьвторых) на нотном стане.

²³ Итальянское название шестнадцатых и тридцатьвторых нот.

²⁴ Павел Леонидович Коган (р. 1952) – советский, российский скрипач и дирижёр, народный артист Российской Федерации (1994). Художественный руководитель и главный дирижёр Московского государственного академического симфонического оркестра.

это да! И Татьяна Гринденко²⁶? Я в экстазе! – орёт в трубку Машка.

Я заскучал. Забылся и громко выпустил газы.

Машка обернулась и зыркнула в меня пламенем из самых своих сокровенных глубин. Обожгла вихор, брови, ресницы, щетину. Запахло палёным волосом.

– Да, я вас поняла, Тит Яныч. Хорошо. Я буду к одиннадцати часам. Договорились. До свидания, Тит Яныч, – телефонный звонок завершился холодным стальным тоном.

Трубка хлопнулась об своё место.

– Ты вообще понимаешь, что ты сейчас сделал? – негодует Машка, обрушиваясь на меня всеми своими весомостями. – Ты впёрнулся в мой деловой телефонный разговор. Это мой музыкальный руководитель Тит Яныч Цигель, мне завтра на конкурсе выступать, а ты! Ты... ты испортил не только воздух, но и мою репутацию. Меня завтра забекарят за мой «экстаз»!

– Извини, Машк... Я не хотел портить тебе репутацию. Я даже воздух не особо-то хотел портить. Просто так вышло.

– У него так вышло!

– Прости, Машк, – повторил я.

– Как ты там выразился? – ярилась Машка. – Мужчина

²⁵ Гидон Маркусович Кремер (р. 1947) – советский, латвийский, позже немецкий скрипач и дирижёр, основатель камерного оркестра «Кремерата Балтика» (1997), автор нескольких книг.

²⁶ Татьяна Тихоновна Гринденко (р. 1946) – советская, российская скрипачка, народная артистка Российской Федерации (2002).

мечтательный? Это можно двояко понять. С точки зрения женщины – это мужчина с телом-мечтой. Так что не хвались. Это явно не про тебя. Даром, что спортом занимаешься!

Я пожал плечами. Это верно. К счастью, легкоатлеты – не бодибилдеры. А то бы я пугался каждый раз, когда прохожу мимо зеркала. Эх, Машка-Машка! Я-то имел в виду совсем иное...

Глава 2. Тимур и его командос

Майор Мордатенков изваялся в центре станции метро «Ленино» первым. Достойный экземпляр бывшего советского борца вольной борьбы. Он не был ни крупным, ни высоким, ибо в своё время боролся в средних весовых категориях, зато обладал мощным торсом и толстыми ручищами, заканчивающимися внушительными пятипалыми клешнями. Облик венчала тяжёлая, угрюмая и рябая ряха, один вид которой вгонял бывшего соперника в депрессию. Так что своё фамилие Мордатенков оправдывал на все сто двадцать процентов. Под мышкой у майора была папка для бумаг из псевдокрокодиловой кожи вечно молодого, но замученного в неволе дерматинца.

Я подкатил вторым. То есть, первым из оболтусов.
– Здрасти, Порфирий Денисович.

Майор кивнул. Посмотрел на часы. Я тоже посмотрел. На его часы. Ух, ты, «Командирские»! У оставшихся оболтусов было в запасе ещё три минуты. Это означало, что им предписано явиться следующим поездом. Иначе – кирдык: опоздают. И один всё-таки опоздал. Новобранец Мазут приехал на один состав позже. Майор обжёг его взглядом классовой... Нет, ненависти там не было. Скорее досада. Причина досады выяснилась на автобусной остановке. 151-й только что отвалил. Следующий – через двадцать минут. 3-я Радиальная –

улица глухая. Обслуживается единственным маршрутом. На такси денег не было, да и не по чести. Впрочем, и самих такси тоже не наблюдалось ни возле метро, ни в отдалении.

Мы подавленно тупили в асфальт. Майор помолчал-помолчал, но всё-таки решил проехаться по виновнику:

– Вот что ты за человек такой, без пяти минут рядовой Мазут?

– Мазут, – поправил тот его. – Ударение на первый слог. Кирилл Мазут.

Кирка – метатель молота. Кандидат в мастера спорта. Как и полагается молотобойцу – рост его под метр девяносто, а вес – сто двадцать килограмм тщательно отобранных и ладно пригнанных рельефных мускулов.

– Да и хрен с тобой. Мазут, так Мазут. Почему ты опаздываешь, когда я тебе вчера точное время назначил?

– Надо было на десять минут раньше назначить, – пытается защитить Кирку Лёнч. – Тогда бы точно на тот автобус успели.

– Я сам знаю, что и куда мне назначать, – тихо возразил Мордатенков. – А ты – сопляк ещё.

– Конечно, сопляк.

Лёнч вовсе не собирался с ним спорить.

– Я вообще под стол пешком ещё хожу.

В Лёнче почти два метра росту. Он – кандидат в мастера спорта по прыжкам в высоту. Мордатенков задрал ряху и впёрся в ясно-голубые Лёнчевы очи. Белобрысая башка Лён-

ча застигала майору солнце и отбрасывала на него тень.

– Я тебя запомнил. Вид – млекопитающие, род – разнообразные, отряд – верзилы.

Потом опустил взгляд на меня.

– Ну, с тобой всё ясно. На День Победы с Дёминым водку пили про тебя.

На всякий случай я решил не выяснять, что ему там про меня ясно. Тем более под водочку. Мордатенков пристально посмотрел на четвертого оболтуса. Им был Равиль. Средневик. Для тех, кто в танке: бегун на средние дистанции, 800 и 1500 метров. Кандидат в мастера спорта. Равиль – самый молчаливый из нас. Едва ли он вообще когда-либо затевал разговор первым. А отвечал обычно односложно, да и то, если кто прямо в глаза ему смотрел, допекал навязчивостью: ты, вот, ответь мне, старичок!

Майор закончил визуальный анализ участников квартета и решил обратиться к нам с речью, тем более, что до автобуса оставалось ещё минут десять, а на остановке никого, кроме нас, не было.

– Я не случайно отобрал четверых кандидатов в мастера спорта СССР. Не случайно один из вас – спринтер, другой – метатель, третий – прыгун, а четвертый – бегун на длинные дистанции...

Равиль полоснул майора взглядом. Но поправлять его тем, что он средневик, а не стайер²⁷, не стал.

²⁷ Стайерские дисциплины – 5000 м и 10 000 м. Средние дистанции – 800 м

– Да-да, – продолжил майор. – Именно в таком порядке. Ставлю стратегическую задачу. В конце июля у нас войска.

– А мы успеем научиться стрелять? – осведомился неугомонный Лёнч.

Майор побелел, но не успел открыть рот.

– Не перебивай майора, – замирительно пробасил Мázут. Животворящая порция крови вновь наполнила ряху Мордатенкова. Он кивнул Кире.

– Войска – это войсковые соревнования. Съедутся связисты-спортсмены со всех округов. Соревнования командные. Индивидуальные места не награждаются. Но учитываются. В команде – четверо. Зачёт идет по первым трём. День первый: сто метров в сапогах, метание гранаты, полоса препятствий. День второй – три километра по пересечённой местности. Задача проста – московские связисты-комитетчики должны выиграть. Задача ясна? Не слышу!

– Ясна, таарищ майор...

– Задор где?

– Будет задор, таарищ майор.

– Смотрите мне, бойцы. Я за вас краснеть не намерен. Просрёте войска – распушу спортроту к чёртовой матери. Отправлю в регулярные части советской армии. Понятно?

– Понятно, таарищ майор, чего уж там.

Показался жёлтый автобус. На табличке желанные цифры: «151». Мы вздохнули и полезли в узкие двери «лиаза». Води-

ла поддал газку. Запели клапана, застучал коленвал. Автобус тронулся. Миновали главный вход в Царицынский парк. Пересекли по дамбе цепочку прудов. Долго ехали через лес. Конечная остановка: шестой микрорайон Загорья. КПП. Войсковая часть № 61608. Всё серьёзно: войска правительственной связи КГБ СССР.

Майор сдал оболтусов каптёру и велел тому заняться новобранцами. Ефрейтор Чевапчич к заданию отнёсся с особым рвением. Подобрал каждому элементы обмундирования. Даже на тощую каланчу Лёнча нашёл гимнастёрку. Сапоги выдал облегчённые, без гвоздей в подошвах. Отгрузил ремни, пилотки, портянки, подворотнички, погоны, петлицы.

– Вы, – раскомандовался каптёр, – сейчас в душ пойдёте, а потом обратно ко мне в каптёрку. Одевать вас буду по уставу, как положено.

Всей толпой, с оглядкой на субординацию, пересекли казарму, плотно заставленную двухъярусными железными кроватями. Бойцов в казарме не было. Где-то на том конце дверь в коридор, там ещё одна – в солдатскую душевую. Каптёр выдал мыло, мочалку, полотенце. Сейчас, говорит, сбегаю за цирюльником.

– Отставить цирюльника, – лениво махнул рукой майор Мордатенков. – Ребята они спортивные, космы не носят. Советскую армию не опозорят.

Ефрейтор Чевапчич с недоверием взглянул на майора, но

спорить не стал. Так майор Мордатенков заработал дополнительные очки в наших глазах. В армию нас забрали, но не забрали. Факт!

Сгрудились под душем. В холодном кране напора не было. Так, тонюсенькая струйка. Пришлось побрызгаться кипятком.

– Плац поливают, – интуичит Лёнч. – Прибивают пыль.

– Может, картошку на кухне моют? – предположил я.

– Поздно картошку мыть. Её уже бы и почистить пора.

Супец зарядить. А то к обеду не поспеть.

– Успеют. Жиденское что-нибудь на-гора выдадут. Чего им напрягаться? Не спецбуфет...

– Кстати, у них тут буфет есть? – зажигается Кира. – Мне на армейских харчах наверно и сутки не протянуть.

– Вот Чурило! Тебе разве мамка сала не дала? – съехидничал Лёнч.

– Дала, – кивнул Мázут. – И надолго хватит того сала? Ты же сам у меня его просить будешь.

– Да наверняка тут и буфет, и магазин есть. Спросим у майора, – замирил я коллег.

– Оно ж, когда с хавчиком непонятки, рыскать начинаешь, – оправдывается Кирилл. – Пятый угол искать.

Хмыкнули. Обтёрлись вафельными полотенцами. Облачились в форменные синие сатиновые трусы. Схватили в охапку гражданское. Пошлёпали босиком в каптёрку.

Заходим, в каптёрке тихо. Ефрейтор Чевапчич сидит на

табуретке. На коленях – гимнастёрка. В руках иголка с ниткой. Майор сидит в углу на стуле, журнал «Советский воин» листает.

– Явились? – оторвался от чтения майор. – Ефрейтор всем погоны приторочил, и даже два подворотничка подшил. Разбирайте – чьи гимнастёрки?

Мы обалдело посмотрели на каптёра.

– Я подумал, чего ждать-то? Дело хоть и немудрёное, но для вас – новое. Быстрее самому пришить. И дело с концом. Вот и третья готова.

Ефрейтор Чевалчич встал. Протянул Лёнчу его длиннющую гимнастёрку с новеньким белым подворотничком.

– Носи, рядовой!

– Спасибо, ефрейтор! Век не забуду! – чеканит Лёнч. – Проси, что хочешь!

– Как-нибудь сочтёмся, – уклонился каптёр от неудобного разговора при майоре.

Оставалась моя гимнастёрка. Я воспользовался тем, что иголка и нитки лежали на краю стола, схватил их и быстро вдел одну в другую. Бабуля у меня портниха. Я с детства шил из её лоскутов игрушечные распашонки для плюшевых медвежат и одеяльца для пупсиков сестрёнки. Приторочить подворотничок не составило труда. Майор с ефрейтором впечатлились.

– Не знал об этих твоих талантах, – признался Мордатенков. – Что скажешь, Степан Остапович? – обратился он к

каптюру.

– Белошвейка! – уважительно подтвердил ефрейтор Чевапчич.

Мы зярядили ремни в штаны. Как смогли, облачились в форму. Та топорщилась складками и не торопилась пообмяться вокруг рельефных фигур. Напялили пилотки.

– Теперь будете мне честь отдавать, – напомнил майор.

– Так точно, таарищ майор, – подтвердил Лёнч, наш «язык без костей», и отдал честь обеими руками.

– Звёздочки на пилотки не забудьте нацепить, клоуны.

Майор прошёлся взглядом от пилоток вниз по форме и споткнулся о наши голые лодыжки.

Я проследил за его взглядом, пошевелил голыми пальцами ног и ляпнул:

– Да, мы босекомые. Но вы, надеюсь, не босекомоядный?

Новобранцы прыснули. Ефрейтор Чевапчич испуганно посмотрел на майора. На ряхе майора не дрогнул ни единый мускул.

– Здесь тебе не КВН, – отрезал он. – Масляковых тут нет. Служивые юмор не понимают. Они солдафоны. Степан Остапович, будь другом, покажи духам, как мотать портянку.

Помучались с портянками. Кое-как разместили ноги в сапогах.

– Майор Мордатенков, разрешите обратиться! – осмелел Лёнч. – Может в наше особое положение войдут и черные

форменные носки? Вон они у ефрейтора Чевапчича на складе имеются.

– Отставить носки, – распорядился майор. – Носки к ботинкам положены, а не к сапогам. Сотрёте в хлам ноги, пропишут вас в лазарет, а кто на войска поедет?

– Так мы в портянках тем более сотрём, – не унимается Лёнч.

– Освойте науку правильно мотать портянку – не сотрёте. Проверено ещё царской армией. Усекли?

– Так точно, – торопится Кирка обломать уже распахнувшего пасть Лёнча.

– Парадную форму позже выдам, – осторожно вступил каптёр, стараясь погасить потенциальный конфликт. – Там и носки и ботинки. Всё будет, как положено.

– Отделение, слушай мою команду! – сменил тему майор. – В одну шеренгу становись! Направо! В столовую, шагом... арш!

– А где столовая? – делая ать-два, таки подключает Лёнч свои голосовые связи.

– Отставить разговоры, я иду с вами.

Спустились по широкой лестнице. Миновали стенд «История спортивного общества “Динамо”» – справа орден Ленина, под ним текст, слева бегун с олимпийским факелом, форма огня которого стилизована под силуэт голубя мира. Вынырнули из казармы на плац. От него поднимался пар. В душевой Лёнч был прав – молодые бойцы недавно полили

его. Стенды с фазами строевого шага сменились кустами сирени. Те, в свою очередь, елями. Где-то там высился обшарпанный козырёк столовой, над которым возвышался лозунг «Мир отстояли – мир защитим!» К дверям вели пять ступенек, на которых майор распустил строй.

Влились в армейский коллектив. Личный состав войсковой части 61608 дружно долбил алюминиевыми ложками по дну и стенкам неприхотливых фаянсовых тарелок. Облизывал эти ложки и вновь набирал в них наваристый гороховый супец. Ряды столов увенчивались бритыми, вихрастыми, чубатыми, лысоватыми и прочими головами, которые как по команде повернулись в нашу сторону. Электричество сотен пар глаз парализовало наш порыв. Надавило на психику. Остудило голод. Пришлось применить защитную реакцию организма. А именно: вдавить головы в плечи, прижав уши по швам, и отступить вглубь столовой, туда, где свет солнца из окон сменяется мраком люминесцентных трубок, засиженных мухами. Мрак был тем гуще, чем больше перегоревших трубок нависало над столами.

Майор подвёл нас к столу, накрытому на восьмерых. В центре стола возвышалась кастрюля с супом, накрытая крышкой.

– Запомните свой стол, бойцы. Здесь кроме вас никто никогда сидеть не будет. Если кого застукаете – гоните в шею. Усекли?

Я удивлённо приподнял веко...

– Но ведь накрыто на восьмерых...

– Ну? – устало спросил майор.

– А нас только четверо, – на всякий случай напомнил я.

– Ну, и? – Мордатенков никогда не терял терпения. – Делай выводы, умник. Делай!

– Да чё там делать выводы, – воодушевился Кирилл. – Каждому по две порции!

Майор удовлетворённо хмыкнул:

– И среди спортсменов иногда встречаются сообразительные особи.

– Чем больше в армии дубов – тем крепче наша оборона, – оправдываюсь я, но на меня никто не обращает внимания.

– Спасибо вам, таарищ майор! – поблагодарил Мázут и пристроился в центре стола. Глаза его предательски заблестели. Вот так и продают Родину.

– Сам был спортсменом, знаю какво это всё. На самом деле как минимум двоим из вас и так положено усиленное питание, так как рост выше ста девяносто. Так что я не особо и старался, – подытожил майор и покинул место действия.

Шаркнули задвигаемыми стульями. Протёрли ложки салфетками. Мázут уже разливал половником гороховый суп. Казалось – кастрюля бездонная.

– Да тут не на восьмерых, а на целый взвод! – удивился Кирка. – Ну и майор! Кому расскажи – не поверят.

– Ага, – не унимался Лёнч, – сам-то отправился по офицерские харчи.

– Не выдумывай, – осадил его я. – Офицерам дают то же самое. Просто у них там поуютнее, наверно, вон, за перегородкой...

Наворачиваем суп, подливаем добавку. Жизнь удалась... Но что-то не то! Озираемся и осознаём, что фокус внимания по-прежнему наведён на нас. Только сотни пар глаз смотрят уже по-другому. Далеко не с праздным любопытством. Одни, те, что попроще – с завистью. Другие, поизощрённее – с ненавистью.

Опа! Подставил нас майор, оказывается. В наши планы никак не входила конфронтация с дружным интернациональным коллективом бойцов-связистов. Сотрудников спецслужбы, обученных фирменным приёмчикам.

Тем не менее, когда прикончили суп, на ура пошла гречка с тушёнкой. По телу приятно разлилось наркотическое опьянение сытостью. Затуманилась перспектива. Отяжелели ляжки.

Майор вернулся к нам ещё до того, как был допит последний компот.

– Что, бойцы, никак не нажрётесь? Поспешите. Вам сегодня ещё устав читать и присягу учить.

Прозвучало сие не очень соблазнительно, особенно на фоне основательно придавленного червячка.

– А вечером, дяденька майор, опять по домам отпустить? – прикалывается Лёнч, в силу некрупного желудка не так ярко разморенный от еды, питья, тепла, как мы, но не менее

нас впечатлённый особой какой-то широтой коллективной армейской души.

– В лоб хочешь? – без злобы срезал его майор.

Неторопливо оглядел нас и негромко добавил:

– Домой завтра отпускаю.

Ряха Мордатенкова не выражала ни единой эмоции. Трудно было понять, говорит он правду, или прикалывается в ответ на Лёнчеву вольность.

– Опа! – вылетело из меня.

Новобранцы переглянулись. В глазах четвёрки сверкали восторг, изумление, недоверие, «чёрт возьми» и «йоп тваю мадь».

– Зубрите присягу. Завтра полковника Крыжопого приведу. Лично будет принимать.

– Начальник военной части? – удивился Кира.

– Самый главный начальник! – майор поднял вверх указательный палец. – Выше него здесь только антенны в лесу. А уж выше тех только звёзды.

– А на присягу автомат выдадут? – с театральным придыханием выступил перевозбуждённый Лёнч.

– Без автомата в руках не присягают, – это была наверно третья или четвёртая фраза Равиля за весь этот долбаный день.

– Стайер дело говорит, – кивнул Мордатенков. – Дам вам автомат.

Равиль поморщился на слово стайер, но возражать не

стал.

– И рожок дадите? – не унимается Лёнч.

– И магазин к нему дам.

Мы переглянулись.

– Без патронов, – добавил майор и осклабился.

– Это правильно, – вмешался я. – На фотографиях мамы не увидят, заряжен автомат или не заряжен. Готов ли их малыш к труду и обороне, или только к труду. Дулом бесполезного незаряженного автомата землю на огороде рыхлить.

Лёнч с Кириллом заржали.

– Я предупреждал, здесь не КВН, – оборвал майор.

– А в армии КВН – это глагол, – не унимался я.

– Не понял? – Мордатенков приподнял бровь.

– На выбор: **Капитан Выдаёт Наганы** или в **Казарме Во**нзает **Ногами**.

Лёнч прыснул, а Мázут от смеха завалился на стол, чуть не спихнув пустую кастрюлю.

– Да **Кому Вы Нужны?** – не растерялся майор.

Настала пора Равиля. Он растянул тонкие губы в одобрительной ухмылке. Рядовой состав части принялся фокусировать в нашу сторону не только глаза, но и уши.

– **Какой Вы Настоячивый**, таарищ майор, – не сдавался я.

Ржач за столом разгорался. Потихоньку подтягивались рядовые, ефрейторы и сержанты.

– **Кретины Вечно Ноют**, – с догматическим оттенком утешил меня Мордатенков.

Кира тряся, хватал ртом воздух уже не в силах издавать звуки. Солдатики посмеивались за компанию, но, пропустив исток разговора, не до конца понимали смысл происходящего.

– Куда мне до **Кандидата Военных Наук**, – пожал я плечами.

– Если надо, **Камера Всегда Найдётся**, – многозначительно отвечивал майор.

Смех оказался заразен. Эпидемия стремительно распространялась по помещению столовой, опережая грипп в сотни раз.

– Ну что ж, если ограничат свободу, буду **Ковырять В Носу**.

– Смотри, боец, однажды доковыряешься! В носу проходит **Кабель Высокого Напряжения**.

После этой реплики майора уже вся часть бурно и продолжительно ржала, то скатываясь в колики, то подступая к икоте. Но это были не те Бурные и Продолжительные, которые естественным образом, подчиняясь закону эволюции, переходят в Овации. Эти «Б» и «П» перешли в Истерику.

– Отставить смех! – гаркнул Мордатенков на всю ивановскую.

Личный состав, как мог, пришёл в себя и отдышался.

– Отделение, равняйся! Смирна! Вольно. Разойдись... Пошли в казарму, кавээнщики хреновы.

Майор посмотрел, как я унываю и размазал меня, словно

сине-зелёную плесень:

– Коллега, Выше Нос!

Ласковое майское солнышко. Оливковая зелень. Чирикают птички. Однако... Казарму мы миновали. Промелькнули пятнадцать стендов с гербами социалистических республик. Вскоре стало понятно, что движемся к КПП. Майор подвёл нас к таксофону.

– Двушки у всех есть, или угостить? Каждому – две минуты. Доложить мамкам, что всё в порядке. Сыты, обуты...

Мы вновь переглянулись. Мордатенков и это учёл. А ещё учёл, что суббота. Родные в этот час, скорее всего дома. Уборка, стирка, глажка. В продмаг было с утра хожено. Если кто в гости куда собирается, то это, наоборот – позже.

– А можно ещё девушке позвонить? – взмолился Мázут.

– Тебе – можно, – утвердил майор.

– А мне? – на всякий случай вмешался Лёнч.

– Тебе – нет, – безапелляционно отрезал Мордатенков. – Кто ещё хочет позвонить девушке?

Мы с Равилем промолчали.

– Несправедливо это, товарищ майор, – проворчал Лёнч.

– Та-ак, – полюбопытствовал Мордатенков, – ты тут будешь бунтовать, или петицию вышестоящему руководству напишешь?

– Кира сегодня опоздал, а вы ему разрешаете дополнительный звонок. Мне не разрешаете, а у меня нет дисциплинарных взысканий.

– Я тебя предупреждал, что я тебя запомнил? Так вот, будешь выступать – не скоро тебя забуду.

Обломанный Лёнч опустил глаза.

– Да-да, товарищ майор, разберитесь, как следует, и накажите кого попало, – всё-таки пробормотал он себе под ноги, но Мордатенков сделал вид, что ничего не слышал.

Истребили двушки, вернулись в казарму. Майор завёл нас в ленинскую комнату. Большой агитационный стол. Куча стульев, расставленных вдоль стен. Напротив двери, между окон – старенький телек «Темп». Над ним – портрет Ильича. На прочих стенах развешаны наполовину выцветшие плакаты. Особенно бросился в глаза тёмно-красный призыв «От отличника в роте – к роте отличников». Сразу за ним – большой потёртый книжный шкаф, заваленный гибкими брошюрами и учебными альбомами. Зашёл ефрейтор Чевапчич. Раздал по книжице Строевого Устава в редакции 1975 года.

– Открываем главу третью, – командует майор. – Отдание воинской чести, выход из строя и подход к начальнику. Внимательно читаем. Врубаемся. Репетируем. Ефрейтор Чевапчич проверит. В семь идёте на ужин. В девять – просмотр программы «Время». В пол-одиннадцатого – отбой. Всё ясно?

– Так точно, таарищ майор, – отвечаем хором.

– Примете присягу, выпишу командировочные удостоверения, и скатертью дорога! Когда вы с тренерами на стадионе – мне от вас больше пользы. Тут и без вас есть кому плац

подметать. Половая жизнь, опять же, в армии и на гражданке разная. А для спортсмена что важно? Правильно, гормональный баланс соблюдать. В армии же, половая жизнь – это одно название. Швабру в руки и мыть полы.

На том и порешили.

– Всё, бойцы, завтра в десять утра придёт полковник Крыжопый.

– Так завтра ж воскресенье! – спохватился Лёнч.

– Так и есть. После присяги полковник с офицерами на шашлыки в лес идёт. Я тоже приглашён. Завтра по домам. А с понедельника чтобы тренировались как черти! У вас два месяца. Всё! Отставить вопросы. Мне пора сматываться. Завтра увидимся.

– До свидания, Порфирий Денисович, спасибо вам за всё! – благодарю его я.

– Как ты его назвал? – прошептал Лёнч, когда майор вышел. – Откуда вообще ты знаешь, как его зовут?

– Они кентуются с моим шефом, – пожал я плечами.

– Выходит, ты – ценный кадр, – подключается Кирилл. – Через твоего шефа можно влиять на майора.

– Не всё так просто. Скорее через майора на моего шефа, – срезал я. – Мордатенков, по ходу, классный мужик.

– Спору нет, – дал пять Лёнч. – Классно он тебя сегодня в столовке уделал.

Я промолчал. Уделал, так уделал. Чего ерепениться теперь...

– Этот его кабель в голове – просто перл! Кабель высокого напряжения проходит где-то глубоко в носу. Между мозгом и тазом, питая все члены и органы. Будешь ковыряться – и током долбанёт, и ноги обесточит!

– Откуда что берётся? – согласился Кирка. – Он не производит впечатления человека с чувством юмора. Скорее наоборот. А по факту чётко делит сферы бытия: армию и гражданку. Прикидывается солдафоном, а вне колючки может и перца вжарить.

– И ведь умён, – поддакнул я. – Хотя и не производит впечатления человека умного. Скорее наоборот, – передразнил я Мázута. – А ведь всё учел, хитрюга. Если всё так и будет, как он сказал, наша интеграция в армию займёт всего две пропущенные тренировки – утреннюю в пятницу и субботнюю. На пятничную вечернюю он нас отпустил. В субботу вечерней нет, а воскресенье и так отдых.

– Верно, – согласился Лёнч. – Без отрыва от основного производства. То, что ему собственно и нужно от нас.

– Да, чтобы мы тренировались в поте лица. А не прохлаждались в учебке. Так больше шансов не подвести на войсках, – подвёл итог Кира.

– Про войска что-то мутно, – снова начал Лёнч, прочитав пару страниц устава. – Как Денисыч представляет себе командную борьбу?

– Прорвёмся как-нибудь, – махнул рукой Мázут, погружённый в чтение.

– Ну-ну. Леонид, считай, прав, – неожиданно для всех взял слово Равиль. – У нас нет объективной возможности выдать уж по три сильных результата в каждом виде многоборья.

Мы оторвались от буковок и распахнули глаза на нашего самого рассудительного.

– Вид первый, – невозмутимо продолжал Равиль, – сто метров в сапогах. Ну-ну, с победителем понятно, – тут Равиль указал на меня. – Кирилл, считай, неплохо пробежит. Он уж реактивный, как и все метатели. А вот ты Леонид, считай, за сколько стометровку бегаешь?

– Одиннадцать и восемь.

– Ну-ну. Я так и думал. Я и сам так же. Итого: два сильных, считай, результата, и два слабых. Так что первый вид уж мы проигрываем.

– Логично, – поддержал Равиля Мázут. – Затем граната. Я, конечно, выиграю, а кто из вас закинет снаряд хотя бы за шестьдесят метров?

– Никто, – дружно рассмеялись мы.

– Второй вид тоже мимо копилки, – подвёл итог Лёнч.

– Ну, полосу препятствий мы, скорее всего, пройдем неплохо, ловкости нам не занимать, – оптимистично заявил я.

– Ну-ну. Согласен, – кивнул Равиль. – Третий вид, считай, за нами. Ну а кто-нибудь из вас протянет уж хотя бы километр в сапогах в хорошем, что ли, темпе? Я уж и не говорю

о трёх.

– Километр я точно протяну, – заверил я Равиля. – Дальше – по обстоятельствам.

– Ребята, я сдохну максимум через полкилометра, – предупредил всех Кирилл.

– Буду работать на износ, что ж поделаешь, – грустит Лёнч. – Бегаю же как-то кроссы для общего развития.

– Ну-ну. Подсчёт итогов, которые весьма печальны, – неотвратимо ведёт нас к осознанию фиаско рассудительный Равиль. – Вид первый – два зачётных результата. Вид второй – один. Вид третий – единственный, где уж, считай, все три. Ну и вид четвёртый – два с половиной. Ребята, я вас поздравляю, мы, что ли, в жопе!

– Сначала просто в жёппе, что ли, – ворчу я, передразнивая Равилевские фишечки казанского говора, – а потом ещё и в жёппе, считай, мира. Мордатенков уж обещал нас списать в регулярные части.

Кира и Лёнч приуныли.

– Подозреваю, что расположены они далеко не в черте Москвы, – с ядовитым сарказмом добавляю я.

– Короче: подстава! – резюмирует Лёнч. – Будем собирать корнеплоды.

– Но есть одно позитивное обстоятельство, – вмешался ефрейтор Чевапчич. Оказывается, он уже некоторое время назад подпёр своим компактным организмом косяк двери и слушал нашу беседу. Вообще он был какой-то бесшумный,

этот Чевапчич. Невысок, худ, белобрыс, и вообще бесцветен. То есть, обладал всеми свойствами невидимки, включая деликатность. Вкупе с врождённой смекалкой, хозяйственностью, исполнительностью и расторопностью – идеальный денщик для требовательного генерала.

– Какое? – хором подтянулись мы.

– Остальные команды будут ещё хуже подготовлены.

– Откуда это известно?

– Войска каждый год проводят. Мордатенков их уже семь раз подряд выигрывал со своими бойцами. Заметьте – каждый год команда новая. Он принципиально посылает только духов. Говорит – молодые, дерзкие, мотивированные. А там понаедет куча дедов, охальщиков и ахальщиков. Без пяти минут дембелей, ленивых, как сытая вошь.

– Ничего себе! – воскликнул Лёнч. – Ну, тогда я в деле!

– Порфирий рассказал вам, как зачёт считается?

– Не-ет...

– Очень просто. Суммируются три лучших результата. Допустим, в одном из видов четверо из одной команды занимают первое, второе, седьмое и двадцатое места. Команде записывается десять очков. Кто в итоге наберёт меньше всех очков – тот и победил.

– Гениально, – оценил Мázут простую и логичную систему солдатского спортивного учёта.

– Всё нормально ребята, – замирил я наши сомнения. – Будет день, будет пицца. Даже двух результатов в первой пя-

тёрке в каждом виде будет достаточно, чтобы побороться за победу. Пусть другие хотя бы так смогут!

Мы успокоились и возобновили изучение устава. Ефрейтор Чевапчич заботливо протёр тряпкой телик. Впрочем, пыльным он и без того не был.

– Степан, а если мы победим, Мордатенкову подполковника дадут? – задумался я.

– Не дадут, – уверенно отозвался каптёр. – Полковник Крыжопый зажимает майоров. Ему подполковники не нужны. У нас в части их только шестеро. Начштаба Булаев, командиры подразделений А и Б, замполит, врач и дирижёр военного оркестра.

– Круто! Я думал подполковники медицинской службы по госпиталям типа Бурденко сидят. В обыкновенных войсковых частях это ж вроде майорские должности.

– А подполковники-концертмейстеры в театрах советской армии и оркестрах краснознамённого плянца и таски, – поддержал меня Кирилл.

– Ага! Именно плянца, – зафиксировал Лёнч.

– Ну вы сами поняли, – ничуть не смутился Мázут.

– Подполковник – это же элитное тавро, – подвёл я итог. – Уровень!

– Здесь лучше, – рассмеялся Степан. – У них тут мужской клуб. Живут в лесу. У каждого – коттедж с гаражом. Хотят, на шашлыки идут. Хотят, на снегоходах катаются. Хотят, в бане висают с военторговскими продавчихами или с

медсёстрами. А ещё... на охоту вместе ходят. Прошлой осенью на выделенном транспортнике на Арал летали сайгаков с вертолётa стрелять. Поговаривают, то ли Крыжопый – кум Ахромеева, то ли Ахромеев – кум Крыжопого. Пойди, разберись.

– Погоди, Степан, – не понял Лёнч. – При чём тут Ахромеев²⁸? Это же Генеральный штаб! А наша часть – Шестнадцатое Управление КГБ. Электронная разведка, радиоперехват и дешифровка. Крыжопый Ахромееву не подчиняется.

– Верно! – подмигнул сержант Чевапчич. – Вот и выёт из него верёвки. Нужен Ан-26 – пожалуйста! Вертолёт какой или «Чайку» на свадьбу дочери – нет проблем.

– Подозреваю, если Ахромееву с комитетчиками что-то надо урегулировать, Крыжопый выслуживается, – говорю я. – Услуга за услугу.

– Да ладно, – вмешивается Мázут. – Зачем ему Крыжопый, если он может напрямую Чебрикову²⁹ звонить?

– А чего ему вообще с кагэбэшниками регулировать? – вскинулся Лёнч. – У него собственное ГРУ есть. Ещё, поди, покруче!

– Ну-ну. Кстати, Леонид, а откуда ты знаешь посчёт нашей части? – задал резонный вопрос Равиль.

²⁸ Сергей Фёдорович Ахромеев (1923-1991) – Герой Советского Союза (1982), Маршал Советского Союза (1983), начальник ГШ ВС СССР (1984-1988).

²⁹ Виктор Михайлович Чебриков (1923-1999) – председатель КГБ СССР (1982-1988), генерал армии (1983).

Мы с Мазутом встретились глазами. Действительно!

– Да есть у меня источники, – отмахнулся Лёнч. Было ясно, что ничего не расскажет. Может так оно и к лучшему.

– Ребята... – сменил тему Степан. Сразу как-то попростел, даже застеснялся. – Могу попросить вас сделать на гражданке одну вещь для меня?

– Не вопрос! – подбодрил его Кирка.

– Всё, что не зафиксировано в уголовном кодексе РСФСР, – сумничал Лёнч.

– Всё, что не противоречит моральному кодексу строителя коммунизма, – с укоризной посмотрел я на Лёнча, словно он высказал что-то неделикатное.

– Моей девушке через неделю двадцать лет исполняется. Я хотел бы ей подарок сделать. Мне надо, чтобы вы кое-что забрали, я уже договорился, и передали посылку с проводником поезда. Так она вовремя получит подарок.

Мы одобрительно мотнули головами.

– Сделаем, Степан! Рассказывай, что нужно.

Степан замялся. Теперь это был совсем не тот деловитый каптёр, армейский всезнайка и на все руки мастер. Видно было, что волнуется человек. Стесняется. Слюну сглатывает.

– Да не мнись ты, Стёпка, – подбадривает его Лёнч.

– Вы смеяться будете, – наконец вымолвил тот.

– Так, ребята, – заострил я всеобщее внимание. – Раз каптенармус считает, что мы будем смеяться, скорее всего, нам будет не до смеха...

Ефрейтор Чевапчич подобострастно кивнул.

– Ладно, говори, чего там, – оборвал меня Лёнч, – что б там ни было, будем мозговать, как это проверить.

– Моя Зинка – зоотехник. Она занимается хряками и свиноматками. Но не везёт ей. В колхозе нет племенного фонда. А директор и слышать ничего не хочет.

– Так, контекст обрисован плодотворительный, – комментирую я. – А что, собственно, ты хочешь, чтобы мы сделали?

– На ВДНХ есть павильон «Свиноводство». Я звонил туда раз пятьдесят. Достал их, наверно. Короче, они согласились официально передать в колхоз «Перемога» Конотопского района Сумской области поросёнка миргородской породы. Вы не представляете, как Зинка будет рада!

– Конотоп? – недоверчиво переспросил я. – То есть, ты хочешь, чтобы мы посадили свинью на фирменный скорый поезд «Украина» Москва – Киев?

Лёнч с Мазутом заржали.

– Да нет... – испугался Степан. – В девятнадцать двенадцать отправляется пассажирский поезд сто восемьдесят пять Москва – Сумы. Во вторник и в четверг, в третьем вагоне пойдет в рейс тётя Маруся – она и перевезёт поросёнка.

– У тебя всё схвачено, – зауважал Лёнч. – Только почему ты сам не выпросишь увольнительную под такую уважительную причину?

– Увольнительную мне, конечно, дадут, – рассудил ефрейтор Чевапчич. – Я на хорошем счету. Да только заменить ме-

ня здесь некому.

– Ну, положим, заменить всегда найдётся кем, – поспорил я, – да только тогда бойцам станет очевидно, что власть капитёра не единолична, и тайнства в ней никакого нет. Пострадает личный авторитет.

Степан спорить не стал. Лишь развёл руками. Мол, как то так, да.

– Ещё одна причина есть, – нехотя добавил он. – Обещали мне младшего сержанта. Не хочу лишний раз высовываться.

– Причина архиуважительная, – согласился я. – Но разве дадут сержанта без сержантской школы?

– А я, типа, заочно... – улыбнулся Степан. – Старшина хлопотать будет.

– Ребята, у нас всего три дня на получение поросёнка, – напомнил Кирка, – иначе не успеваем ко дню рождения. А документы какие-то надо оформлять?

– Там уже всё оформлено. Накладная, санитарная выписка. Всё как положено. Мне только осталось позвонить зоотехнику на ВДНХ и назвать фамилию человека, который от моего имени приедет получать поросёнка.

– Ну-ну. Стойте! – вмешался Равиль, уже однажды доказавший свою рассудительность. – Посчёт поросёнка надо всё чётко спланировать! Раз отправлять надо в семь вечера четверга, считай, забирать хрюшку на ВДНХ надо тоже в четверг, в районе пяти вечера. Дойти от павильона до Лихоборского входа. На Сельскохозяйственной улице сесть в такси

уж до Киевского вокзала. В противном случае, с поросёнком придётся что-то делать между павильоном и вокзалом. Кормить, что ли, выгуливать... А это, считай, хлопотно!

Лёнч хлопнул Равиля по плечу:

– Гениально, старик!

– погоди, Степан! – осенило меня. – Ты говоришь, миргородская порода? Но ведь Миргород – це полтавщина. Старик Гоголь³⁰ писал... Недалеко от Конотопа. Зачем огород городить?

– Да нет там ничего. Одно название осталось. Свиноматки-рекордсменки со всей страны на ВДНХ собраны. Хорошо, хоть где-то племенной фонд сохранился.

– А что название такое дремучее – Конотоп? – зубоскалит Лёнч.

– В старину там то ли речка была – Конотопь, то ли болото. Точнее не скажу – не бывал там в те времена, – Степан расплылся в улыбке. – Видать, лошадям там не сладко приходилось. Нынче-то мелиораторы всё осушили. Кони больше не топнут.

– А сам-то ты колхозник? – зрит в корень Мázут.

– А как же. Я как раз по лошадям.

– В Чернигов тебе надо податься. В свадебное путешествие, – шутиливо наставляет его Лёнч. – Вот женишься на Зинке, запряжёшь лошадей, накинете поводок на свиноматку и в путь!

³⁰ Николай Васильевич Гоголь, «Миргород» (1835 г.) – сборник повестей.

– Лёнч, – осадил его Кирилл, – ты уже достал своими глупыми шутками.

Но двухметровый прыгун только досадливо отмахнулся от него, словно от двукрылого кровососущего.

– Послушай, Конотоп, – не унимается он. – А чё тогда не на суржике балакаешь?

– Так я ж не хохол, – рассмеялся Степан. – Мой прапрадед – боснийский серб. Чтобы понятней было: боснийцы – это те же сербы, только мусульмане. Ну, так же, как хорваты – это сербы-католики.

– погоди, а сами сербы кто? – не понял Лёнч.

– Православные они, – просветил его я.

– Так, – подтвердил каптёр. – Мой прапрадед мальчишкой воевал в последнюю турецкую в составе Османской армии. Попал в плен к русским солдатам. Пожалели его видать, совсем ещё юнца, не закололи штыком. Был интернирован, потом освобождён. Остался в России. Обрусел. Крестился. Женился на мологжанке, выводок детишек завёл. Так Чевапчичи несколько поколений жили в Мологе, пока не затопили её Рыбинским водохранилищем. Дед мой в Ярославль подался, на шинный завод устроился. Но война всё смешала. Дед ушёл добровольцем, а бабуку мою с малолетним отцом и ещё тремя детьми отправили в эвакуацию. Баржой до Сызрани, потом эшеленом в Башкирию. Так уж сложилось, что один из сослуживцев деда был Конотопским. Сдружились они с дедом. Шибко сдружились. Переживал он очень гибель мо-

его деда. Поклялся тому, тяжелораненому, найти его семью и позаботиться о нас. Долго искал. Обивал пороги. Рыл архивы. Писал запросы. Разыскал он бабушку мою только в 1954-м. Отцу моему тогда пятнадцать лет было. Позвал к себе на Сумщину. Я уже там родился. Хороший он человек оказался, Софрон Аркадьевич. Дед он мне. Не по крови, так по факту.

Глава 3. Назвался гвоздём – забейся!

Полковник Крыжопый Селиван Маркович оказался усталым усатым мужчиной с животом навывкате. С шелковистой залысиной и аккуратно подстриженным и уложенным подлеском. С кантиком, как говорят в армии, пусть и по другому поводу.

– Сначала у человека растут волосы, – шепчу я в ухо Мázуту, ближайшему в шеренге, – а потом начинают расти вылысы.

Кирка скрючился и, икая, передал шутку дальше по строю. То есть – Лёнчу. Тот расплылся в улыбке опытного плутоватого кота, заполучившего на халяву жирную рыбёшку.

– Отставить разговорчики, – прошептал майор.

Полковник Крыжопый не обращал никакого внимания ни на нас, ни на майора, ни на отдраенный по случаю пол, ни на тупящего на отливе голубя. Он смотрел в окно. Поверх голубя. И, вероятно, поверх всей материальной вселенной. В белёсые сферы над лесом антенн. В душе полковника потихоньку воцарялся мир. Накануне он отразил субботний ответный визит дружанов-полковников из Генерального штаба. Персонально употребил около литра водки, если не счи-

тать пива, которого было с избытком. С утра он принял стакан рассола. Улучшение настроения было неизбежным. Осталось только дожидаться этого момента. А до срока ничем себя не выдавать.

Не то чтобы мы валились с ног, но правда жизни заключалась в том, что отбиться в пол-одиннадцатого, как приказал майор, оказалось нереально. Как и в полночь. И даже в час ночи. Парадная форма изрядно попортила нам нервы. События происходили в ленинской комнате, под самую тихую толику звука телевизора, вещавшего «До и после полуночи». Бойцы искололись иголками (две из них сломали). Захламили агитационный стол. Погоны, шевроны, петлицы... Все эти молнии с крылышками (эмблема связистов СА) вызвали в нас полнейшую неприязнь.

Поначалу старались. Строчку клали ровно, выдерживали интервал, следили за натягом нити. Потом качество шитья ухудшилось. А в какой-то момент и вовсе упало. Зато резко увеличилась скорость пришивания знаков отличий. Апофеоз – Кирилл приляпал шеврон на рукав парадного кителя настолько криво и бездарно, что я не удержался, чтобы не сострить:

– Вот гвоздь. Вот подкова. Тяп-ляп – и готово!

Степан помогал нам от души. Без него мы вряд ли вообще легли спать. Ужас опутал члены, когда в начале второго мы осознали, что так и не выучили присягу. Но каптёр заверил, что ничего страшного, пора спать.

Забить на текст присяги было страшно. Но спать хотелось куда как страшнее. Веки клеились, потусторонние голоса в ушах крепили, нахраписто пели оперу. Нелепые сцены в измотанном сознании подменяли реальность. Тихонечко прокрались в казарму. Сотни солдатских душ сопели на все лады. Ворочались, звали маму, всхрапывали, бздели. Общая газификация помещения зашкаливала. Сказывался не только гороховый супчик, поданный на обед, но и соляночка из кислой капусты, поданная на ужин. Галлюциногенный душок витал под сводами, преломляя свет газоразрядных фонарей на плацу, пробившийся в высокие окна без занавесок, в набранные из широких квадратов рамы.

Равилия и меня отправили на второй ярус, как самых мелких. Лёнч, продел худые ноги между прутьями спинки. А Мазут так и вовсе чуть не обрушил весьма шаткую конструкцию.

– Потихе ты там, – цыкнул я на него сверху.

Да он и сам испугался. Перспектива остаться без кровати его совсем не обрадовала. Аккуратно скрипя пружинной сеткой, он таки пристроил свои бугайские мослы на матрасе и затих.

С утра едва мы успели прочистить закозьявленные с ночи носы, как Мордатенков взял нас, тёпленьких, в оборот.

Полковник Крыжопый отвернулся от окна. Пригляделся. Команды «смирно» не было, но мы и без того вытянулись в струнку. Полковник поморщился и чихнул. Потом ещё раз.

И ещё.

– Будь здоров, таарищ полковник! – отчеканил Лёнч.

Майор побагровел, а полковник вскинул в удивлении брови.

– Спасибо, рядовой, – негромко разрядил он обстановку и кивнул майору.

– Отделение! Под знамя! Смирррна! Знамя внести!

Ефрейтор Чевапчич буднично внёс в ленинскую комнату на правом плече выцветший флаг СССР на замусоленном древке, а на левом, как и положено по Уставу, боевое знамя войсковой части 61608, которое он одолжил у караула на первом этаже, а может и увёл из-под носа у щемящего³¹ дневального. Прислонил к стене. Скрестил наверху, чтобы не завалились. Подпёр стульями. Отряхнул руки. Потянул за лямку и свалил с плеча выдавший виды АКМ. Учебный автомат-конструктор со спиленным бойком.

– Оркестра не будет, – предупредил он. – Но я могу пластинку поставить.

– Отставить пластинку, – поморщился полковник Крыжопый. Видать, башка ещё ныла.

– Есть отставить пластинку, – согласился Степан.

– Здравствуйте, товарищи... бойцы, – обратился к нам Селиван Маркович.

– Здравия желаем, таарищ полковник! – насколько смогли бодро ответствовали мы.

³¹ Дремлющего с закрытыми глазами в той позе, в которой застигло.

– Вольно, – махнул рукой командир, вновь поморщившись.

Он некоторое время тупил то на Лёнча, то на Кирилла. Мы деликатно ждали. В какой-то высший момент его светлое чело полевого командира искажилось мыслительной судорогой.

– Вы, я смотрю, ребята смышлёные, – тихо продолжил полковник через пару минут. – В глазах ваших читается интеллект. Убеждён, вы прекрасно понимаете значение военной присяги... Не слышу?

– Так точно!

– Вы осознаёте почётную и ответственную обязанность, которая возлагается на военнослужащих, приведённых к военной присяге на верность своей Родине – Советскому Союзу.

– Так точно! – вскричали мы, опережая вопрос.

– Ну и отлично, – согласился довольный полковник. – Приступайте к процедуре, товарищ майор.

Мордатенков утвердил в руках Мázута автомат. Ефрейтор Чевапчич распахивает перед глазами Кирилла основательную тиснёную красную папку. Кирка видит заветный текст, набранный крупным кеглем, и заметно оживляется. Он-то уже настроился краснеть и отдуваться за всех первым – ведь присягу никто не выучил.

– Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых Сил, принимаю при-

сягу и торжественно клянусь: быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров. Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество, и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству. Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооружённых Сил, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами. Если же я нарушу мою торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение советского народа.³²

И Кирка расписывается в акте, лежащем там же, в папке. Его сменяет Равиль (ну-ну, что ли). Затем я. Последним присягу принимает Лёнч. Он так эмоционально с оттяжкой зачитывает текст, что я чуть не описался. Майор стоит багровый. Ефрейтор прячет глаза от стыда. А вот полковник Крыжопый, наоборот: прослезился. Оказалось, что дешёвый лицедей Лёнч сразил его в самое сердце. Видно полковник давно не посещал театр и был не способен фильтровать де-

³² Официальный текст военной присяги СССР. Источник: «Устав внутренней службы Вооружённых Сил СССР» (1975 г.).

шёвку.

– Бойцы! Поздравляю вас с приведением к военной присяге, – утерев слезу рукавом продолжил ритуал полковник. – А вас, майор, – с политически грамотным и физически развитым пополнением.

Он тяжело сглотнул, смахнул ещё одну слезу, утвердился получше на ногах в огромных начищенных до кодаковского глянца ботинках и сказал речь:

– Присяга, в самом широком смысле, и в данном конкретном случае, воинская присяга вообще, и Союзу Советских Социалистических Республик в частности – это самый главный закон! Такой закон, который и сам господь бог не имеет права корректировать. Конституцию сменить или отменить можно, а присягу нельзя. Есть механизм принятия присяги, но не было, нет, и никогда не будет никакой законной процедуры снятия присяги. Конечно, может случиться личное решение конкретного присягавшего человека об измене присяге, то есть Родине, но это незаконно и является преступлением. Карается законом, порицается обществом, осуждается коллективом. Такой человек обрекает себя не только на муки совести, не только на потерю Родины. Такой человек может быть приговорён к расстрелу. То есть он становится полностью обречённым. Человек, добровольно давший присягу, уже не имеет ни юридического, ни морального права эту присягу отменить, забыть, отложить на потом, заменить другой, в том числе по решению суда, преступному приказу органов

власти, при смене власти, желанию каких-либо посторонних лиц или организаций, и так далее. Поэтому, любое действие или намерение человека, давшего присягу и нарушившего её впоследствии по любой причине, является преступлением, а совершивший этот бесчестный поступок становится преступником. Даже, если его к измене присяге и Родине принудили насильно и под страхом смерти, всё равно, человек давший присягу, обязан остаться верным присяге, даже если ему суждено при этом погибнуть.

Мы старательно тянули спины, задирали носы. Проникались торжественностью момента и уже не замечали этих пошарпанных стен, засиженных мухами подоконников, скрип-лый проигрыватель и раздолбанный автомат Калашникова, даром что «модернизированный». Общая убогость ленинской комнаты отошла на задний план. Мы простили армейцам комизм ситуации. Сатирический запал сменился ощущением приобщённости, а через некоторое время – и вовсе вовлечённости. Энергетика полковника Крыжопого уже не смешила нас. Наоборот, окрыляла и настраивала на заливатский лад... Так, пребывая в лучах его скромной харизмы с укусным душком, мы полюбили своего хоть и комполка, но всё равно Батю.

– Институт присяги для того и задумывался, оттого и вводился, чтобы присягу не нарушали ни при каких обстоятельствах, никто и никогда. Это долг каждого порядочного гражданина. Присяга – это свято.

На этом полковник выдохся, опустил плечи, щёлкнул пальцами ефрейтору Чевапчичу. Тот опустил иглу на пластинку с гимном СССР. Колонка старенького «Аккорда» старательно проскрипела музыку Александра от размашистого вступления (кварта), до размеренной коды (трезвучие).

Нас атаковали мураши эйфории. Щекотали под лопаткой, покусывали холку, чесались в носу. Мы плыли омеднёнными и побронзовевшими волнами и морщили переносицы. Кровь превращалась в желатин и замедляла пульсацию. Мы подрагивали от перистальтики и невралгических спазмов, это по нашим мышцам прогуливалось шальное электричество. Что-то важное только что произошло в нашей жизни. Некое событие, истинный смысл которого ещё только предстоит осознать.

Ритуал завершён. Полковник Крыжопый буднично попрощался и степенно удалился. Ефрейтор Чевапчич подхватил знамёна и беззвучно исчез. Майор Мордатенков присел за широкий обшарпанный стол. Расстегнул свою папку из псевдокрокодиловой кожи с помесью волшебного молодого дерматинца. Разложил веером бумаги. Жестом пригласил окружить его. Мы расселись напротив.

Тела с превеликим удовольствием сложились в шарнирах. Колени сняли натяжение с икроножных мышц, пятые точки желеобразно растеклись в углублении стульев, локти долгожданно упёрлись в столешницу, разгрузив позвоночник. Всё же непривычно было стоять целый час навтыжку, не имея

к тому ни малейшего расположения или навыка. Проще сбегать шестикилометровый кросс вдоль морского прибоя где-нибудь в Абхазии, чем заниматься строевой подготовкой, да ещё и в самом статичном её варианте. После присяги мы стали другими глазами смотреть на караульных.

– Бойцы. Объясняю правила, – издалека начал майор. – Прежде всего, на гражданке вы остаётесь военнослужащими. Основной документ, удостоверяющий вашу личность – военный билет. Командировочное удостоверение без предъявления военного билета недействительно. А предъявление военного билета без предъявления командировочного удостоверения приведёт к тому, что вы будете задержаны военным патрулём. Поэтому правило первое: всегда и везде нёсите с собой и командировочное удостоверение, и военный билет. Надеюсь, догадываетесь, что утрата того или другого приведёт к печальным последствиям?

Мордатенков пристально заглянув в глаза Лёнчу.

– Да понятно всё, не маленький, – буркнул тот.

– Правило второе, – продолжил майор, уже глядя на меня. – Чтобы максимально сократить вероятность попасться военному патрулю, поступаем следующим образом: форму нёсите только на территории воинской части. Когда я закончу, пойдёте к ефрейтору Чевапчичу и переоденетесь в гражданку. Форму сдаёте ему на хранение. Правило третье: встречаемся в этой комнате в десять утра первого числа каждого месяца. Если будут изменения, обзвоню лично каждо-

го. Итак, первого числа являетесь в часть заранее, идёте к ефрейтору, надеваете военную форму. И чтобы в гражданке мне на глаза не попадались! Уяснили?

– Так точно, таарищ майор, – киваем мы.

– Правило четвёртое. Поступаете в полное распоряжение тренерского состава Московского городского совета «Динамо». Строгий режим и тренировки. Никаких пьянок, гулянок, поездок на дачу, тусовок, сомнительных компаний и т.п. Если вас накрывает доблестная советская милиция – автоматом попадаете в часть на «губу». Понятно?

Мы промолчали. Перспектива попасться родным ментам казалась гораздо беспросветнее, нежели патрулю.

– Теперь вот что, формально вы зачислены в первый взвод второй роты. Ваши непосредственные начальники, повторяю – формально(!) завкомвзвода сержант Ямпольчук, командир взвода младший лейтенант Коностасов, ротный старший лейтенант Великин. Люди уважаемые, с понятием. Вышенизованных товарищей офицеров вы за свою срочную службу скорее всего ни разу не увидите. Другое дело ротный старшина. Зовут его Речко́ Платон Ерёмыч. Хороший человек. Душевный. Своё дело знает.

Майор улыбнулся и загадочно добавил:

– Рекомендую не попадаться ему на глаза.

Мы насторожились.

– Упечёт на строевую, на полигон, на стрельбы. А мне бегай по всей части потом – ищи вас... Поэтому – подчиняе-

тесь только мне лично, все контакты с личным составом части через меня. Исключение – ефрейтор Чевапчич. Вопросы есть?

– Так точно... – автоматом повторил я.

– Так точно что? – не понял майор. – Вопросы есть, или вопросов нет?

– Есть, – подтвердил я.

Что делать, назвался груздем – люби и саночки возить.

– Вот вы говорите – войска. У меня коллега служит в спортроте, погранучилище на Бабушкинской. Они называют эти соревнования вооружёнкой.

– У каждого вида войск свои войсковые соревнования. Мы с ними никак не пересекаемся. Ещё вопросы?

– Кира, ты хотел про магазин узнать, – вспомнил я.

– Военторговский магазин в воинской части вам не по чину. Туда вхожи офицеры и члены их семей. Другое дело чипók, то есть солдатский буфет. Ефрейтор покажет, где он находится, если приспичит. Ещё вопросы есть?

– А расскажите, товарищ майор, про себя, – неожиданно высказался Лёнч.

Мордатенков даже растерялся. Поморщился, потёр переносицу...

– Что мне про себя рассказывать?

Честно говоря, я ждал подвоха, что Лёнч затеял поиронизировать над майором.

– Всё, – пожал плечами Лёнч.

Майор опустил глаза. Покрутил в пальцах шариковую ручку. Задумался.

– Зовут меня Порфирий Денисович. Я – мастер спорта СССР по вольной борьбе. Динамовец. Служил в спортроде в этой же части под личным началом майора, затем подполковника, Крыжопого. По его рекомендации остался на сверхсрочную. Став прапорщиком, отучился в институте связи³³. Закончил его младшим лейтенантом.

– Там есть военная кафедра?

– Обязательно.

– То есть вы связист с высшим образованием?

– Да. Дипломированный специалист. И вместо того, чтобы Родину защищать с наушниками на голове – нянчусь вот с такими духами, как вы, – посетовал майор. – Однокашники – кто в резидентурах, кто в главном испытательном³⁴ спутниковой группировкой управляет. А я, выходит, спортзал так и не перерос. Ну... что ещё добавить? Женат, имею двоих детей. Девочки.

– Спасибо, Порфирий Денисович, – нахмурился Лёнч. Видать, задумался, как жить дальше.

– Так, бойцы! – спохватился майор. – Разбирайте свои удостоверения и распишитесь мне за них вот здесь.

³³ Московский электротехнический институт связи (МЭИС).

³⁴ Главный научно-исследовательский испытательный центр космических средств Министерства обороны СССР. Расположен в г. Краснознаменск Московской обл.

Зашуршали бумажками. Форма единая, фамилии разные. Войсковая часть 61608. Дата. Исходящий. 115406 г. Москва. Командировочное удостоверение. Выдано рядовому (ФИО), командированному в МГС «Динамо». Срок командировки, (количество) дней, с (даты) по (дату). Цель командировки: для подготовки и участия в соревнованиях. Основание: письмо МГС «Динамо» от (дата), исходящий. Действительно по предъявлении документа, удостоверяющего личность. Начальник штаба части подполковник А. А. Булаев. Гербовая печать.

Вырываем друг у друга единственную на всю роту шариковую ручку, чтобы расписаться в тетради.

– Дуйте в каптёрку и на сто пятьдесят первый. Не забыли? Встречаемся первого июня! Меня полковник Крыжопый на шашлыках ждёт.

После этих слов Мордатенков застегнул папку на молнию и испарился первым.

– Чего гнать-то? Могли бы пообедать на дорожку, – мечтательно причмокнул Мázут.

– О, борщ из пьемонтских трюфелей, жареная оленья обливная! – съязвил я.

Кирилл больно взял меня за плечо и собрался было заглянуть в мои наглые глаза. Но я вырвался, отскочил, показал язык и добавил:

– Последний половник растаял во рту...

– Да кто тебе запрещает, Чурило? – огрызнулся Лёнч. –

Сегодня все восемь порций твои! Что до меня, то вольному воля. Ничто меня больше здесь не держит.

– Да-да. Любишь кататься – полезай в кузов, – поддакнул я. – Нечего тут расслаивать.

А Равиль только кивнул и первым из нас покинул ленинскую комнату. «Кадеты шумною толпой...» Но каптёрка оказалась закрыта на замок. Засунули жало в казарму – никого. Прошли насквозь – в дальний коридор, заглянули в душевую – никого... Вернулись на исходную. Спустились на первый этаж. Дневальный на месте. Щемит, не краснея. Пнули в бок. Каптёра не видел? Тот zenки как распахнёт, увидал, что это мы, а не офицерё, ослабился. Мотанул башкой в ответ в сторону парадной двери.

– Да где мы его искать будем? – взмолился Кирилл, когда просочились на улицу. – Айда в столовку. Может, кстати, он как раз там? Обедает!

– Твоя взяла, – махнул рукой Лёнич.

Припёрлись в столовую. По дороге даже пару раз честь отдали каким-то офицерам. Те обратили на нас ровно ноль целых фиг десятых и хрен сотых внимания. Стол наш оказался девственно чист. Мимо приключился дежурный по столовой с развозной тележкой. Перемещает полные кастрюли со щами.

– Майор Мордатенков на вас обед сегодня не заказывал, – отчитался он. – Только завтрак.

Вот те ещё один сюрприз. Ай да майор! Государственные

средства зря не разбазаривает. Сказано – дуть на автобус. Подразумевается – в столовке бойцам делать нечего.

Ищем глазами каптёра. Но Степана не видать. В столовой не так и много личного состава – обед ещё только в самом начале. Рядом во главе длинного стола одиноко восседает живописный воинский чин, чёрт его разберёт кто. Крупный матёрый мужчина с тяжёлыми собачьими брылями, густыми брежневскими бровями. Смачно чавкает, обсасывая ложку. От ломтя хлеба отламывает, а не откусывает. Ну как такого не отвлечь болтовнёй.

– Простите, вы случайно не видели ефрейтора Чевапчи-ча? – забылся Лёнч.

Воинский чин оторвался от щей и с любопытством заглянул в голубые наглые глаза. Даром, что находящиеся на почти недостижимой высоте. Потом медленно оглядел всех нас.

– Смирна! Кто такие?

– Первый взвод, вторая рота. Спортсмены, – скромно отвечаем, вытянувшись в струнку, – Майор Мордатенков...

– Майор Мордатенков, говорите?

К тому моменту я уже осознал, что попасть впросак было бы не столь обидно, как вляпаться здесь и сюда.

– Так что, майор Мордатенков не объяснил товарищам спортсменам, как обращаться к старшему по званию?

– Виноват, товарищ... – спохватился Лёнч. Но звание воинского чина не знал.

– Старшина, – подсказал тот.

Меня прошиб пот. И точно...

– Старшина Речкоб.

– Виноват, товарищ старшина, – настаивал Лёнич. – Больше не повторится.

– Ещё как виноват, рядовой. А повторится оно или не повторится – полковому суду неизвестно. Вот сейчас пообедаю и буду решать, как с тобой поступим. Отделение, слушай мою команду. В распоряжение роты строевым шагом-мм-арш! Ждите меня там, салаги!

Мы ретировались бравым порядком. Смятение душ было полным и беспросветным. Хрен с ним, с обедом, но плясать на плацу до отбоя нам совсем не улыбалось. Кто его знает, чего взбредёт в башку своенравному старшине.

На крыльце казармы столкнулись с ефрейтором Чевапчицем. Тот сопровождал коротко выбритого молодого бойца с огромным тюком постельного белья на плече.

– Что, не могли меня в ленинской комнате подождать? – посетовал Степан, когда мы ему рассказали про конфуз со старшиной Речкоб. – У меня ж и другие обязанности есть, не только вас обхаживать. Вот, в прачечную ходили, – похлопал он ладонью по огромному тюку, который свалил с плеча солдатик.

– И что нам теперь делать? – не находил себе места Лёнич. – Сидеть ждать старшину?

– Ты серьёзно? – улыбнулся Степан. – Напаяливайте гражданку, и чтоб духу вашего здесь не было! Пока он щи доест

и тушёную капусту навернёт, есть у вас минут пять.

Было ясно, что ефрейтор Чевапчич глаголет дело. Нет солдата – нет проблемы. А там ещё неизвестно, когда мы ему в следующий раз на глаза попадёмся! Может и никогда.

Судорожно меняем одежду, криво складываем форму, неловко передаём Степану на ответственное хранение. Шнуруем кроссовки... Время тикает пульсом (или пульсирует тиком?) у самой ушной раковины.

– Степан, а другой выход есть? – на всякий случай вопрошаю я.

– Отчего ж нет? Есть... – по той лестнице, что в коридоре, где душевая.

– Бежим, ребята! – командует Лёнч, и мы врываемся в по-прежнему пустую казарму.

– Про поросёнка не забудьте, – кричит вслед ефрейтор.

Мы недооценили тактический опыт старшины Речко́. Тот как раз поднимался по запасной лестнице. Услышав шаги и вычислив мелькнувшие на площадке между пролётами знакомые брыли, мы тотчас ретировались в душевую. Кроссы позволяли не топать. Сапоги Речко́ проскрипели мимо неплотно прикрытой двери.

– Сейчас он вставит пистон Чевапчичу, – предрёк Кира.

– Это вряд ли, – заверил его Лёнч. – У Степана алиби. Скажет, ничего не знаю. Никого не видел. Относил бельё в прачечную. Только вернулся.

– Точно, – согласился я. – Бежим! Пока он не очухался.

Мы брызнули вниз по лестнице, выскочили на улицу и стремглав понеслись к КПП. Миновали наглядную агитацию с фанерными гербами союзных республик и налетели на штатского, озирающегося по сторонам. Ба!

– Ребята, это же Вася Васильков, – удивился я.

– Кто таков? – недоверчиво вскинулся Лёнч.

– Бродяга и тунеядец, – отозвался Вася.

– О! Мы таких уважаем, – пробасил Мázут. – Эти никем не командуют.

– Ну-ну. И никому не мешают, – согласился Равиль.

– Ты как сюда попал? – учинил я допрос. – Это же закрытая воинская часть КГБ.

– Я бродил по Царицынскому парку и увидел забор. В нём дыра. А у меня принцип. Если в заборе есть дыра – мне туда надо.

– А ничего, что поверх забора колючая проволока? – напустился Лёнч.

– Тем более надо, – произнёс Вася, затвердев взглядом.

– Ну и как?

– Я уже тут всё обошёл.

– И до сих пор на свободе? – усмехнулся Кира.

– А у Васи глаза добрые, – вступился я.

– Ага, и сам он прозрачный.

Тут Равиль (он единственный из нас стоял лицом к казарме) стрельнул взглядом и бросил лишь одно слово, от которого кровь застыла в жилах:

– Речко́!

– Бежим! – скомандовал Лёнч.

Очухались только у автобусной остановки. Новая напасть: ближайший рейс сто пятьдесят первого через двадцать пять минут. На остановке, естественно, никого.

– А где Вася? – не понял я.

– Так он же с нами не побежал, – напомнил Кирилл.

– А, ну да! – вспомнил я. – Он же не бегаёт, а ходит!

– Ну, ща его Речко́ порвёт, – скрипнул зубами Лёнч.

Всё ещё напуганный перспективой появления старшины Речко́, я предлагаю отойти в лесок. Полежать на травке. Ребята поддержали меня единогласно.

И вот лежим мы на молодой майской травке, урчим голодными животами, пожёвываем травинки и палимся на многоэтажный купол небосвода со снующими на лесках кучерявыми болонками. Как же странно устроен этот мир. Мир, в котором реальность порой перемешивается с ирреальностью, даже если кровь твоя химически чиста, а сам ты адекватен и полностью отвечаешь не только за себя, но и «за того парня».

– Летят вот эти ватные тампоны над русской средней полосой, – начал я. – А началось всё где-то на Багамах.

– Ты о чём? – не понял Лёнч.

– Я? – удивился я. – О Гольфстриме, главной климатической установке этой голубой планеты. О чём же ещё?

– Причём тут тампоны?...

– Чуваки, – внезапно обрадовался сам себе Мázут. – У

меня ж бутики с салом есть!

– Кто о чём, а Чурило про... – прошипел Лёнч.

Глава 4. Женщина, которая поэт

Гражданка гражданке оказалась рознь. Довольно быстро выяснилось, что о старых привычках придётся забыть. «Динамо» разместило прикомандированных бойцов на так называемые городские сборы. Конечно, на сборах встречаются далеко не только спортсмены воины-срочники, но и, например, интернатовские³⁵. Некоторые из них – второгодники. А также выпускники ШИСП, студенты ГЦОЛИФК³⁶, многие из них – заочники.

Распорядок прост: живёшь на базе в Серебряном бору, там у тебя койка и стол. На тренировки возит специальный заказной автобус. Он же и привозит обратно. Кому меньше повезло – те в Новогорске. Туда и ехать дольше, и замечательных пляжей там нет.

Спору нет, Москва-река в середине мая та ещё купель. Но, с другой стороны, в Лимпопо она не превратится даже в разгар июльской жары. Чёрт её знает, что должно случиться, чтобы она превратилась в Лимпопо. То ли в ней должны завестись крокодилы, то ли перевернуться земные полюса. Думаю, ни то, ни другое в нашей исторической перспективе не светит. Поэтому майские купания в Серебряном бору

³⁵ Ученики школ-интернатов спортивного профиля (ШИСП).

³⁶ Государственный центральный ордена Ленина институт физической культуры (ГЦОЛИФК).

вполне себе ничего. Достойное времяпрепровождение. Особенно, если складывается приятная компания.

Компания начала складываться ещё в автобусе. Когда ЛАЗ таки закупорил дверку и отвалил от манежа, нас в нём было всего двое, не считая водителя. Рита сидела на третьем ряду, я присел напротив. Мы не были знакомы. Так, видели, конечно, друг друга на тренировках, но я даже толком не знал, у кого она тренируется.

– Куда подевался народ? – незатейливо инициировал я контакт.

– Метатели в «Лужниках», на южном ядре³⁷. Готовятся к первым стартам сезона. А вот где все остальные – это загадка, – Рита пожала плечами.

Тут надо пояснить, что городские сборы – штука весьма условная. Почти добровольная. Личное дело каждого – присутствовать на сборах, или отлучаться по своим делам. Тем более что у многих есть свои родные или съёмные квартиры, или даже семьи. Очевидно, если ты военнослужащий-срочник, с командировочным удостоверением на руках, лучше не шалить. Честно говоря, на первом году службы, правильнее сказать, в первые полгода службы, ну, или как на духу – в первые недели службы, дисциплина для меня была делом святым, что вызывало у многих коллег уныние и тоску.

³⁷ Южное спортивное ядро (ЮСЯ) и Северное спортивное ядро (ССЯ) – два разминочных стадиона в районе Большой спортивной арены Центрального стадиона имени Владимира Ленина.

Я присмотрелся к Рите. Густая чёрная грива. Коротковатая, конечно, чтобы не мешала спортивной дисциплине. Размашистая штриховка чёлки. Вызывающе очерченный острый носик. Немного раскосые, выразительные глазищи. Союзные брови, впечатляющие скулы, нитка тонких, всегда крепко стиснутых губ. Признак спортивного характера? Вокруг всего этого смуглая загорелая кожа... Ноль косметики. Красавица!

Как у всех барьеристов (так называют бегунов и, конечно же, бегуний с барьерами) у Риты – длинные крепкие ноги. Затянутые в фиолетовые лосины, они являли собой образец, как мускулатурного рельефа, так и остроты коленных чашечек. Ни жиринки, ни полжиринки – ни на подбородке, ни на плечах... Длинные тонкие пальцы теребят лямку рюкзака, лежащего плашмя на соседнем сиденье у окна. Маникюр безупречен. Зелёный лак с косой фиолетовой полосочкой. Страза в углу ногтя на безымянном.

Тем временем сворачиваем на Беговую улицу.

– Рита, а ты давно в Москве?

– С октября.

– Нравится?

– Очень! – разгорелись глаза у девочки.

И тут же потухли:

– По дому скучаю.

– Дома хорошо... – соглашаюсь я.

– У меня такой дом! – качает головой девушка. – Любой

позавидует... А я вот зачем-то бегаю от него.

– При этом ещё и препятствия преодолеваешь, – поддакнул я.

Рита резко взглянула на меня. Словно кислотой облила!

– Это я про барьеры твои, – поторопился я объяснить. – Ты же сто метров с барьерами бегаешь?

– Да.

Рита поправила чёлку

– Я давно из дому сбежала. С двенадцати лет в спортивном интернате. В Уфе. Теперь вот «Динамо» Москва. Меня на ставку взяли. А ты служишь?

– Вот уже пять дней как, – кивнул я. – А где твой дом?

– На Урале. В селе.

– Красотища там у вас, наверное...

– Ещё какая! – соглашается Рита.

– Так ты башкирка?

– Нет, – смеётся Ритка. – Я татарка. Село у нас татарское. Очень древнее. А республика – да, Башкирия.

Повертела головой. Присмотрелась, что там, за окошком, задемпфированным толстой чёрной скруглённой резинкой. Обернулась ко мне.

– Жаль, что зимой здесь всё серое и унылое. В Башкирии, знаешь какие зимы красивые!

– Догадываюсь.

– Московская грязища меня порой в депрессию загоняет. Хочется красок! И тогда я иду либо в Третьяковку, либо в

Пушкинский музей³⁸.

– Хочется солнца, Рита! Никакие музеи этого не заметят. Проблема московского региона не в длинных, мокрых, угрюмых зимах. А в том, что мало солнечных дней. Ведь что такое жизнь в Москве? Это дни, проведённые под куполом из заварного марева сизой облачности, гриппозного тумана, взволнованной пыли и дымовитого смога.

– Да, ты прав. У нас в Башкирии много солнца. Я не привыкла жить в постоянной хмари. Ну а ты откуда?

– Я? – растерялся я. – Да, в общем, ниоткуда...

– Как это? – улыбнулась Рита.

И улыбка у неё такая притягательная! Распахивает ресницы. Зажигает глазки. Растягивает губки. А на щеках образуются круглые складочки. Эдакие скобочки. Да-да, ротик в круглых скобочках. Так бы и любовался!

Как объяснить этой смуглой подтянутой деревенской девочке... Кстати, вот пальцы её длинные ухоженные никак не вяжутся с деревенским бытом.

– Пальцы у тебя вовсе не крестьянские, – показываю я.

– А я ими никогда и не крестьянствовала, – ржёт Ритка. – Это в папу. Папа у меня высокий, стройный, пальцы у него ещё длиннее моих. Он сам с Ленинграда. В блокаду родился. Горный институт³⁹ закончил. Главным инженером ГОКа⁴⁰

³⁸ Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

³⁹ Ленинградский горный институт имени Г. В. Плеханова (ЛГИ).

⁴⁰ Горно-обогатительный комбинат.

работает. А мама моя – типичная сельская татарка. Коренастая, кряжистая. Сильная! Помню, я маленькая была, а одна корова у нас была молодая, своенравная. Стадо идёт по селу. Все коровы, как коровы, к своим воротам подойдут, ждут, когда хозяйки впустят. А наша по селу бродит, лопух грызёт, а домой не загонишь. Так вот мамка выскочит, перехватит её за рога! Башку её дурную аж вниз пригибает. Та повыкручивается-повыкручивается, а силу-то людскую уважает. В хлев плетётся, как миленькая. И нас у неё пятеро. Да-да! У меня две сестры старшие и два младших брата. Я посерединке! Так откуда ты, Ниоткуда?

Да-да! Как объяснить этой смуглой подтянутой деревенской девочке, что я как-то даже и стесняюсь своей столичности? Вот они люди как люди – у них есть малая Родина. Слушайся что – обидит судьба, или сам психанёшь... Чего там думать? Взял билет и в поезд! А мне куда деваться? Мне психовать нельзя. Я везде чужой. Вот психанёшь, а сам потом так и будешь болтаться в той же проруби, в том же гнезде, выплеснуться из которой, выпасть из которого, можно только куда-нибудь на комсомольскую стройку, или и вовсе за границу. Ну, или на курорт. Но это сезонно, хлопотно и недёшево.

– Москвич я...

– Ну, я тоже теперь москвичка.

– Я тут родился.

Рита поджала губы – типа, зауважала. Мы заржали.

– Что, и родители твои в Москве родились?

– Не поверишь... Они – тоже!

И мы заржали ещё громче. Тем временем пустой, и оттого лёгкий, автобус бодро рассекал в левом ряду по проспекту Маршала Жукова.

– А где в Москве ты живёшь?

– Практически в центре. В километре от Садового кольца. А ты?

– А я пока кочую со сборов на сборы. Меня всё устраивает, – объяснила Рита. – У меня весь скарб – вот этот рюкзак, да ещё большая сумка. Мне собраться – десять минут. То Серебряный бор, то Новогорск, то «Левобережная», то динамовская гостиница, ну а осень и весна – это, конечно, Адлер. Люблю Чёрное море!

– А мы в Гантиади ездим.

– Да, я слышала, спринтеры туда обычно...

– Ну, там не только спринтеры. Прыгуны, шестовики. Вообще там на самом деле сборы от украинских динамовских клубов, так как дом отдыха Гантиади принадлежит четвёртому Главному Управлению при Минздраве⁴¹ Украины. Но я так понимаю, что чиновники и тренеры дружат, общаются, организуют совместные сборы.

– Это здорово, – согласилась Рита. – Я не была в Гантиади.

⁴¹ 4-е Главное Управление при Министерстве здравоохранения СССР – так называемая кремлёвская медицина. Лечебно-санитарное управление, обслуживавшее высших партийных советских чиновников. Руководитель Е. И. Чазов (1967-1987). Аналогичные ГУ существовали при МЗ союзных республик.

Миновали городскую застройку. Автобус въехал на мост через Хорошёвский канал. Пересёк троллейбусное кольцо, где паслась в ожидании пассажиров пустая двадцатка, и покати по Таманской улице. Вот и приехали. Динамовская база. Полувековая дача, построенная в эстетике сруба из оцилиндрованного бревна. Одноэтажная, но довольно витиеватая в плане. Тут и веранда, и зал, в котором нынче столовка. Несколько коридоров и спален. Не менее трёх печей. Гулкий дощатый пол, старые заклинившие окна, крашенные-перекрашенные двери с латунными ручками. А вокруг – вековые сосны, бузина, ирга, смородина и... ландыши!

На крылечке дремлет местная достопримечательность – бывалый котище по кличке Шкиряк с основательным витиеватым шрамом от середины уха до противоположного глаза, который чудом не зацепило. Весь вид и повадки мускулистого манерного кота выдавали его бурное прошлое. Наша кухарка, тётя Паша говаривала, что «шрамы укрощают мужчину», намекая на то, каким ручным и неприхотливым заделался некогда дикий Шкиряк с тех пор, как оказался особой, приближённой к спортивной кухне.

Метатели подъехали следом. Их привёз другой заказной автобус. Кроме того, в столовой уже было человек восемь. Другими словами – набралось процентов шестьдесят наличного состава городских сборов, что считалось весьма неплохо.

Хотите взглянуть на настоящего былинного доброго мо-

лодца, богатыря земли русской? Знакомьтесь: Серёга Рубцов, толкатель ядра. Он как всегда занял целый столик, сервированный на четверых, и ревниво оберегает от посягательств оставшиеся пустыми три стула. Я решил немного его понервировать.

– Серёга, не возражаешь?

Он бычит в меня глазом. Я, словно ни в чём не бывало, сажусь напротив него. Тот уже поводит плечом. Я беру две тарелки с котлетами с гречкой, что стоят ближе ко мне... Морда Рубцова наливается кровью. Я стреляю глазами вправо и перехватываю испуганный взгляд Ритки, окружённой воркующими товарками, из которых особенно выделяется генофондом одна блондиночка по имени Стася. Ухмыляюсь сам себе – Рита переживает, значит, девушка перспективная.

– Серёга, ты сколько вешишь? – затеваю разговор с богатырём, чтобы снять напряжение.

– Сто семьдесят. А мне надо набрать сто девяносто.

– Вот именно так я и подумал! Тебе надо плотно питаться, – воодушевился я и передал ему обе тарелки с котлетами.

Рубцов опешил. Он не ожидал такого поворота событий.

– А ты? – выдавил он после затянувшейся паузы.

– А я люблю творожную запеканку с мёдом. Не возражаешь?

– Я её не ем.

– Значит, договорились! Тебе – четыре мясных порции. Мне – четыре порции запеканки. И больше мы никого не

берём в долю. Дай пять!

Рубцов просиял как начищенный медный оклад. Состоялось рукопожатие. Клешня моя, конечно, захрустела в недрах его гигантской пассатижи, но, надо отдать Серёге должное, он вовремя спохватился и не перемолол хрящи в костяную муку. С этим простым бесхитростным парнем, родом с земли Псковской, оказалось нетрудно подружиться. Серёга ревниво оберегал своё достоинство от насмешек, но агрессивным не был. Видно он отдавал себе отчёт, что легко может проломить любую башку и сесть за это в тюрьму.

Вся гамма чувств былинного героя была распахнута как меню в ресторане. Причём эти чувства довольно неплохо корректировались, достаточно было водить пальцем по блюдам в меню. Любопытно, что самым чувствительным блюдом оказалось далеко не мясо. Кто бы мог подумать? Мороженое! Серёга Рубцов – удивительный человек. Он способен съесть за один присест двадцать пять вафельных стаканчиков с пломбиром и впасть от этого в транс. Никакой самый изысканный шашлык не вызывал в нём такой ответной реакции. Да, скорее безответной реакции. Так как, впадая в транс от мороженого, Серёга не реагировал на внешние раздражители. В эти минуты мог простить многое.

А запеканку подавали в Серебряном бору знатную. Представьте огромное представительское блюдо. В нём четыре плотно подогнанных квадратных куска. На самом деле – сегмент эпического творожно-запечёного полотна с противня,

разрезанный крест-накрест. И вон она – румяная, ароматная, ванильная, со сдобренной яйцом корочкой, обильно поливается сметаной и мёдом. Что может быть вкуснее? Особенно когда тут же на столе – полный чайник грузинского чёрного чая (вариант: узбекского зелёного, номер 95, кок-чай) и блюдечко с аккуратно нарезанным лимоном. Для эстетствующего советского гражданина с военным билетом в кармане – идеальный повод полюбить жизнь.

Серёга Рубцов миролюбиво наворачивает котлеты. Кот Шкиряк отирается о его ноги в ожидании подачи. А я погружаю ложку в блюдо с божественной запеканкой и подмигиваю поражённой Рите, упустившей момент, когда я утихомирил красноглазого быка. Наверняка полюбопытствует, как и что.

Так и случилось. После ужина всей толпой пошли прогуляться к Москве-реке. Рита отстала от стайки девчонок и дождалась меня, лениво волочащего ноги после такого гурманства.

– Я думала, он тебя убьёт.

– Серёга не дурак. Зачем ему меня убивать? От этого будут одни неприятности.

– Самые главные неприятности от этого будут у тебя! – заявила Рита. – А ещё у твоих родителей, если подумать головой.

– Ты права. Но я действительно ничем не рисковал. Наоборот – у нас теперь деловой союз и крепкая мужская друж-

ба.

– Ты съел его запеканку.

– А он съел мои котлеты. И заметь – и то, и другое, абсолютно добровольно. Но главное даже не это.

– А что же? – заинтриговалась девушка.

– Видишь ли... Страх – плохой советчик. От страха теряется концентрация. Стол – это его плюшкина куча. Серёга боится, что кто-нибудь присядет за его стол и объест его. Он вынужден работать по фронту и обоим флангам, защищая пространство от посягательств. Но далеко не все коврижки на столе ценны для него. Я предложил ему сделку. Его мясо. Моя молочка. То есть по фронту у него восседает союзник. Взамен он теперь контролирует только правый фланг. Его левый фланг отныне контролирую я.

– Гениально, – восхитилась Рита. – Ты стратег!

– Просто я люблю, когда удобно мне самому, – возразил я. – А мне не хочется ни с кем делиться запеканкой! Ну, разве что с тобой!

– А я не люблю сладкое! – смеётся Ритка.

В кустах слева зашелестело. Донеслось сопение пробирающегося сквозь дебри ёжика.

– За исключением шоколада, – призналась она через минуту.

– Шоколада? Ну, значит, ты не безнадёжна, – рассмеялся я. – Будет тебе шоколад!

Группа спортсменов разбрелась по аллее. Первые уже под-

ходили к Москве-реке. Отставшие едва миновали последний перекрёсток с покосившимся бревенчатым столбом.

– А что, Сергей вообще не ест молочку? – спохватилась Рита, продемонстрировав какую-то неожиданную для меня дотошность.

– Ещё как ест, – заверил я девушку. – В виде кубиков молочного протеина.

– А-а, – покачала она головой.

Аллеи в Серебряном Бору именовались Линиями и были застроены то ли старыми советскими дачами тридцатых годов XX века, то ли строениями ещё царского периода, т.е. массивными бревенчатыми срубами со светлыми верандами. Некоторые срубы были обшиты вагонкой и покрашены в оливковый зелёный, охра или небесно-голубой. Некоторые утвердились своими ребристыми тёмно-коричневыми боками как есть, т.е. поперёк классическим стволам соснового бора. Крыши были крыты оцинкованным кровельным железом, где-то обильно сдобренные суриком, где-то подставляющие всем ветрам и осадкам свою первозданную оцинкованную суть. Веранды соревновались изощрённостью рам, обильно крашенных белым цинком. Лепестки стёкол имели самые причудливые формы. За ними просматривались прозрачные занавески: то тюль, то макраме, но и простые ситцевые тряпочки тоже встречались.

Некоторые дачи были огорожены штaketником. Часть забрана плотным забором из досок, верх которых был закреп-

лён парапетной планкой. Редкие заборы блестели свежей или хотя бы прошлогодней краской. В основном они были выгоревшими и пошарпанными. Краска висела лоскутами, читалась история, как менялся цвет забора с момента его создания.

Участки заросли липами, вязами, были окультурены яблонями, вишнями, сливами. Вдоль заборов торчала бузина, малина, смородина, шиповник. А над всем этим, словно зонтики над кудрявыми макушками и смешными чёлками, распахнулись прозрачные воздушные кроны корабельных сосен.

Но вот и мы добрались до реки. Был тот ранний сумеречный час, когда ветры уже стихли, а прохлада ещё не вытеснила разогретый солнцем воздух. Ракитник стоял не шелохнувшись. Зеркальную заводь трассировали водомерки. У кромки воды копошился ярко-красный мотыль. Первые взрослые комары как раз в этот час выдвигались на охоту.

Рита присела на корточки и потрогала воду. Не скрою, я любовался фигуркой в изящной позе.

– Она тёплая! – удивилась девушка.

– Ещё бы! А какой ей быть? Она заранее знала, что ты её потрогаешь.

Рита обрызгала меня.

– Не умничай!

Я подобрал и зашвырнул в воду камушек. Вот интересно, как далеко я заброшу эту чёртову гранату во втором виде

армейского многоборья? Навыки метателя у меня нулевые.

Рита отряхнула ладони и подошла ко мне.

– А почему ты живёшь на городских сборах? Ведь здесь иногородние динамовцы, у кого нет своего жилья в Москве.

– Выходит, я занимаю чужое место, – легко соглашаюсь я.

– Ушёл из дому? – улыбается Рита.

– Ага. В Советскую армию.

– Да-да! Ты же солдат! – вспоминает Рита и заговорщицки добавляет: – Соседи могут заложить.

– Верно. У соседки телефон военного патруля прямо на обоях химическим карандашом записан. А бдительности ей с тридцатых годов не занимать.

– Ты очень убедителен, когда шутишь.

– А когда не шучу?

– Я не знаю, – пожала плечами Рита. – Ты постоянно шутишь.

– И ты вскрываешь все мои шутки на лету?

– Мне кажется, да.

– Это редкое свойство, – заключаю я. – Назовём его твоим достоинством номер три.

– А номер два?

– Ты забыла? Твоя любовь к сладкому, ужавшаяся до одинокого шоколада. Кстати, а как же мармелад, зефир, пахлава, сгущёнка, наконец?

– Они тоже пойдут, – смеётся Рита, – если с голодухи... А достоинство номер один?

– Тут мы плавно подходим к самой сути, – я осмелился невесомо обнять Риту за маленькие, но крепкие плечики. – Фанфары! Та-та-та-там!

– Ну? – Рита повела плечами, но не высвободилась, а словно бы даже поуютнее утвердилась в моём скромном объятии романтически настроенного стеснительного юноши.

– Достоинством номер один девушки, безусловно – и это каждый подтвердит, являются глаза. Но если мы ведём речь об этой конкретной девушке, то указать на её глаза будет явно недостаточно. Посмотрите, как они гармонируют с другими чертами лица. Как подчёркивают и оттачивают темноволосый образ восточной красавицы. Обратите внимание также на эти удивительные ушки, острые ключицы, доверчивые предплечья и тонкие запястья.

Рита смотрела на меня со странным выражением лица. На секунду мне показалось, что она меня сейчас пошлёт.

– Но и это ещё не всё. Тут найдутся длинные пальчики на узких ладошках, которые так приятно подержать в руках, – и я схватил эту пару ладошек свободной рукой, тем более, что Рита вовсе не собиралась прятать их по карманам олимпийки. Даже наоборот – она потирала ими друг об дружку.

Тут я не знаю, что на меня нашло, но я сделал неловкое движение чмокнуть Риту в губы. Она успела отвернуть голову и поцелуй пришёлся в волосы на виске. Тем не менее, она не вырвалась. Постояли. Мой пыл если не угас, то развеялся. И сменился ужасом. Мне казалось, что я стремительно

лечу к своему очередному фиаско с девушкой, которая мне нравилась.

– Ты, конечно, опять шутил, – медленно начала Рита. – Но странное дело... Мне было приятно. Чёрт тебя подрал, мне было приятно! – расходилась она. – Я должна послать тебя к чёртовой матери, а мне, дура – приятно! И, по-ди-же-ты!

Что оставалось делать? Я крепче обнял Риту. И она... О Боги, Партком Парткомычи небесные! Прижалась ко мне. Я почувствовал, как некая упругая луковка упёрлась мне под мышку. Ещё не хватало, чтобы некий упругий баклажанчик упёрся Рите в живот. Блин! Это будет катастрофа.

– А я почти и не шутил, – зачем-то оправдывался я.

– Молчи, – Рита высвободила дальнюю от меня руку и приложила палец к моим губам. – Сандугач поёт!

– Как ты сказала?

– Тш-ш-ш!

Где-то недалеко от нас раскованно и изощрённо импровизировал соловей. Идеальный птичий певческий голос завораживал. В нём не было ни вороньей гортанности, ни толики сорочьего скрежета, ни тени легкомысленного чирикания. Голос, созданный для птичьей оперы, если бы таковая существовала.

– Рита, это соловей.

– А я разве не так сказала?

Он пел, а я дышал. Втягивал носом, наматывал на нюхательные рецепторы каждую молекулу этого странного,

неожиданного запаха девушки, которая была у меня в объятиях. Я закрыл глаза. Терпкий, но матовый и противоречивый аромат, словно занесённый сюда не нашими ветрами. Тут и дымок саксауловой коряжки; и влажная холодная каменная пыль, когда распиливают отделочный камень большим алмазным диском, проливая его водой; нотка паслёновых, но каких именно – неясно, а может, и не родились пока на земле такие паслёновые, не добралась пока до наших грядок их пыльца. И что-то едва уловимое от старомодной мастерской кожемяки, который только-только обработал ворванью свежую сыромять. Ну не бывает таких духов! И быть не может.

Я огляделся. Наших никого не было. Наверняка уже расползлись по ночным квартирам. Было ещё не поздно, но ежедневный ранний подъём оказывал влияние на вольнодумство разношёрстной публики. И он, градус этого вольнодумства был весьма низок, а дисциплина не то чтобы железной, но далеко и не картонной, как многие непосвящённые привыкли думать про спортивные сборы. Ранний подъём определял и весьма раннее время приёма завтрака. И скажу вам чистую правду – профессиональный спорт оказался тем единственным периодом моей бурной жизни, когда пропустить завтрак было никак нельзя. Организм требовал жертвы (в роли жертвы выступал сон) и жертвоприношения (самому себе в виде жратвы). В этой роли выступали вполне себе вегетарианские продукты – рис, манка, пшёнка и герку-

лес.

Тут раздался хруст ветки, перешедший в нечеловеческий вопль, затем что-то массивное плюхнулось в воду метрах в пяти от нас. Стоим обрызганные, лупимся в темноту. Выгребает чудо без перьев. Выбирается на песочек подмытого бережка. Рыжий кот! Точнее, облезлое искупаемое. Похоже, карабкался по ивняку за нашим соловьём, да подломилась веточка-то. Не всё коту масленица, что на ветке сидит!

– Так ты не имеешь права жить дома, пока служишь в армии? – похоже, вопрос совмещения тренировок и домашнего быта сильно волновал Риту.

– Я командирован в МГС «Динамо». Куда «Динамо» пошлёт – туда и я... Туда я и... – поправился я. – Отправят домой – поеду туда.

– Пока не отпускают?

– Ага, не спят, всё придумывают, как этого не допустить, – смеюсь я.

– Но ничего, – улыбается Рита. – Придёт пора – отпустят.

– Куда денутся, – соглашаюсь я.

– А ты на чём-нибудь играешь? – неожиданно спросила Рита.

– На бильярде, – заявил я, хотя особыми успехами с кием в руках похвастать не мог.

– А так, чтобы до-ре-ми?

– На гитаре немножко, как и все ребята. Ну, вообще-то и на клавишах могу сориентироваться, если они попадутся.

– А у тебя дома есть пианино?

– Есть.

– Ты учился?

– Нет. Сестра.

– И я не училась... Но в ШИСПе в Уфе у нас было пианино. Почему-то оно стояло на лестничной клетке, между этажами...

– Не дотащили? – рассмеялся я.

– Не дотащили, – согласилась Рита и заразилась моим смехом.

– Нет, – опроверг я сам себя. – Спортсмены не могут не дотащить. Скорее, в спортивном интернате попросту не нашлось другого места для громоздкого музыкального инструмента.

– Не нашлось, – подтвердила Рита.

– Но в лестничной клетке есть один важный положительный момент.

– Какой? – оживилась она.

– Акустика! – я поднял вверх указательный палец. – Там шикарная акустика.

– Верно, – расплылась в улыбке Рита. – Из-за этого меня постоянно оттуда гоняли.

– А что ты исполняла?

– Я училась играть чижика-пыжика и собачий вальс.

– Ты уверена, что тебя гоняли оттуда именно по причине великолепной акустики? – подмигнул я ей.

– Ну... в том числе.

– Если бы училась играть «Лунную сонату», или хотя бы «К Элизе», у гонителей не поднялась бы рука.

– Но это очень сложно!

– Возможно, это прозвучит кощунством, но я убеждён, что даже маленький мальчик Светик, будущий маэстро Святослав Рихтер⁴², начинал с «жили у бабуси...»

– Два весёлых гуся, – подхватила Рита.

– Три, – поправил её я.

– Почему три?

– Один серый, другой серый, третий тоже серый, – закончил я и подмигнул ей.

Рита толкнула меня локтём в бок. Острым таким локтём, надо признать. Резко толкнула. Попала точно в почку. Я даже икнул.

– Я уже привыкла, что ты постоянно шутишь, – призналась она.

Я ловил ртом воздух и подумал было о том, что вряд ли я привыкну когда-нибудь к таким приёмчикам. Вывод? Отставка Рите? Панцирь средневекового рыцаря? Всё это слишком радикально. Придётся подкачать косые мышцы. Укрепить, так сказать, бочину. В смысле – оборону.

⁴² Святослав Теофилович Рихтер (1915-1997) – советский, российский пианист, народный артист СССР (1961). Один из крупнейших пианистов XX века, чья виртуозная техника сочеталась с огромным репертуаром и глубиной интерпретаций.

Глава 5. Мартышка и качки

На ВДНХ мы попёрлись втроём с Равилем и с Кирой. Лёнч обещал подобрать нас с поросёнком на Сельскохозяйственной улице ровно в шесть вечера на «Волге» с приятелем. Мы с Равилем двинули после тренировки. Пересекли Петровский парк и устремились вниз по эскалатору на станцию метро «Динамо». Киру подобрали на станции «Перспект Мира». Он ехал из «Лужников». Часть пути вдвоём с Равилем мы красноречиво молчали, проявляя безусловное взаимопонимание по сугубо телепатическим каналам. Когда в коллектив влился Мázут, меня подменили. Наши с Кириллом рты не закрывались ни на секунду.

Мы обстебали всё, что дышит вокруг, и откаламбурили все слова, какие разыскали в вагоне. Та эпоха предшествовала эре тотального рекламирования. Поэтому, всё, что могло быть написано в поезде метро – это собственно схема линий Московского метрополитена имени В. И. Ленина; набившие оскомину «не прислоняться»; «места для инвалидов, лиц пожилого возраста и пассажиров с детьми»; и редкие таблички, типа «стоп-кран» или «кнопка для экстренной связи с машинистом».

– Кира, не прислоняйся, – говорю я, пихая его локтём в бок.

– Я не прислоняюсь!

– Не прислоняйся, Кира!

– А я и не прислоняюсь

– Нет, ты прислоняешься!

– Да не прислоняюсь я!

– Нет, Кира. Ты прикидываешься слоном. Значит, ты прислоняешься.

– А я не прикидываюсь слоном, – ржёт Мázут. – Я и есть слон! Смотри, какой я огромный! Даром, что бивней нет.

– Нет, Кира, слон не может быть гражданином СССР. А ты, очевидно, он самый и есть: принявший присягу гражданин СССР. Но ты косишь под слона. А в метро это запрещено! Видишь, на дверях белой краской написано.

Мы вели себя неприлично. Попутчики морщились и отворачивались от нас. Пенсионеры причитали себе под нос и крутили скрюченным пальцем у седого виска. Равиль стоически рдел рядом, традиционно не проронив ни слова, но и не отрешиваясь от нас ни на полшажочка. Его выдержке мог позавидовать любой спортсмен самого высокого уровня.

– А ВДНХ тоже глагол? – не унимается перевозбуждённый Кирка.

– Нет, ВДНХ – это часы, – не раздумывая, отвечаю я.

– Как это? – не верит он.

– Весной Днём и Ночью Холодрыга. Или Вкушаю Днём и Ночью Харчи.

– Или Воровал Днём и Ночью Хапуга, – поддержал меня Мázут, не приняв про харчи на свой счёт.

– Так, значит, всё-таки глагол? – подначил я вновь. – Вспороли Дыню – **Нож Хрустнул. Верную Дворнягу Необ-**ходимо **Хоронить.**

Кирка напряг извилины и его занесло:

– **Вонючей Дорогой Низвергаются Холуи.**

Я критично посмотрел на него.

– Нет, не глагол... Может, наречие?

– А как это? – не понял Мázут.

– Ну как там сейчас на ВДНХ?

– А как там? – окончательно растерялся Кирилл.

– **Вверх Дном, Неряшливо и Хаотично,** – просветил его я.

Кто ж знал в далёких восьмидесятых годах прошлого века, что эти слова явятся грустным пророчеством, ибо в описываемое время ВДНХ как раз таки неплохо держалась и никакого бардака там ещё и в помине не было. Моя критика была с перегибом. **Вход Для Новых Хозяев** – всё это будет потом.

Мázут с готовностью заржал, сотрясая нержавеющей сталь вагонных поручней, на которых висел. Распахнулись неприслонябельные двери. Станция «ВДНХ». Валим на эскалатор единственного в то время выхода на волю. Кирка по-прежнему перевозбуждён, аж приплясывает. А я подустал. Захотелось философического релакса. Я повернулся к Равилю (всё ещё пунцовому от стыда) и пространно обратился к нему, указывая дланью на Мázута:

– **Винный Дух Негативно Характеризует. Вашему Дружбану Нельзя Хамить. Высокий Дылда Наверняка Хищник.**

Тут пришла, наконец, пора расслабиться и рассмеяться Равилю. Возможно, подействовала смена обстановки. На эскалаторе мы уже не находились под таким гнетущим прицелом сопутствующей публики. И, прежде чем мы миновали тяжёлые размахайки дубовых дверей и влились в уличный поток, я поставил жирную точку:

– Нет, старики, **ВДНХ** – это стопудняк химический термин.

– Я весь внимание, – напрягся доверчивый Кира.

– **Вызывающая Дерматит Норма Хлорки.**

Смеяться полагалось, но смех вышел жидким. Я и сам понял, что не достиг апогея.

– Хорошо, тогда **Водно-Дисперсный Несмываемый Химикалий.**

Вход на **ВДНХ** в ту пору стоил десять копеек. Их полагалось опустить в турникеты той же системы, что и в метро – только там мы опускали пятак (либо предъявляли проездной вахтёру). Попав на выставку, первым делом, мы закупились фирменным пломбиром в вафельном стаканчике по двадцать копеек за порцию. На площадке за Главным входом грузились «трамвайчики». Это был изящный автопоезд Рижской автобусной фабрики, с головным моторным дореформенным «рафиком» (щекастым, с круглыми фарами и узким зубастым зёвом) и двумя прицепами. К каждой паре диванов (друг напротив друга) имелся свободный проход, ни окон, ни дверей не было. Проезд стоил десять копеек, кото-

рые обменивались на зелёный билетик Московского транспортного управления (МТУ).

В силу того, что был рабочий день, а до летних каникул ещё десять дней с хвостиком, очереди не было. Мы разместились в самом хвосте автопоезда. Хрустели поджаристой вафелькой, хохмили, махали девчонкам в сарафанах, которых миновал трамвайчик. Маршрут пролегал по центральной аллее мимо павильона СССР (в котором я, кстати, ни разу в жизни не был), фонтанов «Дружба народов» и «Каменный цветок», павильона «Земледелие». Показались самолеты и ракета «Восход».

– Ил-86 уже давно летает, – то ли спросил, то ли утверждает Кирилл.

– Ну да, восемь лет, – подтвердил я.

– А почему его до сих пор тут нет?

– Ну-ну, это с линии снять и сюда водрузить, что ли? – хмыкнул практичный Равиль.

– Вот когда спишут, может и поставят на ВДНХ, – согласился с ним я.

На остановке у павильона «Электрификация СССР» мы выскочили из трамвайчика и завернули в сторону трибун выводного круга. Там, за павильоном «Ветеринария» притаился искомый – «Свиноводство».

– Погодите, – тормознул Мázут.

– В чём дело? – не понял я.

– Пять сек, давай вон на лавочку присядем.

Я обернулся на Равиля. Тот пожал плечами. Сели. Кирилл достал из сумки шкалик коньяка. Равиль посмотрел с недоверием, я с испугом.

– Повод есть, – намекнул Мázут. – У меня сегодня дочка родилась.

– Правда, што ль? – вопрос не веры, это у меня пошли горлом эмоции.

– Да, сам в шоке.

– Так ты ж вроде не женат?

– Да, мы пока не расписаны... Но уже два года вместе живём.

– С родителями?

– С её дедом. Подполковник в отставке. Хуже нет ничего и быть не может.

– Как же ты выдерживаешь?

– А я его спаиваю. Нет, ну он по жизни заслуженный алкоголик Советского Союза при регалиях, так что совесть моя чиста.

– На полном государственном обеспечении? И с рыгалиями?

– Ну да, с обеспечением у него всё в порядке, – рассмеялся Кирилл.

– Вот так всю жизнь. Сначала обеспечением занимаются родители. Поэтому дети лишены печенья, по поводу и без. А потом обеспечением занимается государство. И ты лишаешь себя печени. Чего уж там мелочиться, раз халява.

Ма́зут показал большой палец и продолжил:

– Просто когда он напивается, его не видно и не слышно. Иногда неделями. Хрен с ним, давайте за дочку мою выпьем по глотку. Тут же пятьдесят миллилитров всего...

– Это где такие чудеса водятся? Ни разу не видел таких малышей.

– А, это соседка, стюардесса, с международных линий таскает.

– У тебя ещё и соседка стюардесса?

– У подполковника, – поправил Кирюша и подмигнул, – а мы друзья. Лизка-то с ней с раннего детства дружит, а я всего пару лет, но продвинулся гораздо дальше.

– Мы пока ещё никуда не летали международными, – признал я вслух очевидное, забалтывая, во-первых, Ма́зутову бестактность, всё-таки Лизка родила ему дочь, а во-вторых, наверняка заливает. Выдаёт желаемое за действительное. Теперь понятно, почему он такой перевозбуждённый сегодня.

– Ну-ну. Нас, что ли, и тут неплохо кормят, – согласился Равиль.

– Говорят, такие ещё в «Берёзке» можно купить. Там наборчики ассорти... Водка, коньяк, джин, виски, ликёр...

– Ладно, если пятьдесят граммов на троих, то, пожалуй, можно и выпить!

Равиль кивнул. По очереди приложились к шкалику. Ма́зут – замыкающий. Ему досталось больше всех, ведь мы скромничали. Особенно я.

– Старики, это так круто! Дочка! – воскликнул он.

– Так что ж ты на ВДНХ попёрся? Мы бы поросёя и так доставили. У тебя ж такая уважительная причинища!

– Ну, а куда я подамся? В роддом всё равно не пробраться. И Лизку ко мне не выпустят. Я уж лучше с вами!

– Всё понятно! Айда за свиноматкой, – заключил я и подмигнул Равилю.

Оказалось, что мы опоздали, и нас уже жждались. Поросёнок был уложен в корзинку на обильную подстилку из золотистой соломы. Укутан стареньким детским одеяльцем. Накрыт плетёной крышкой. Мы сняли крышку и уставились на склеенные глазки, где-то на полпути между острых ушей и огромным пяточком. Зверотехник всучила мне картонную папку с ветеринарными сопроводительными документами. Затем передала Кирке бумажный пакет с кормом. К нему, кстати, тоже прилагалась какая-то санитарная бумажка.

– Поросёнок сейчас спит, я дала ему снотворного... Да димедрол обычный, – добавила она, видя как мы насторожились. – Так будет лучше, чтобы он не морочил вам голову по дороге. Передадите проводнику, она уж его и покормит.

– А как зовут? – спросил Мázут.

– Меня тётя Зоя зовут, – представилась зверотехник.

Мázут было отмахнулся, но вовремя спохватился:

– А-а, очень приятно. Кирилл. А поросёнка-то как зовут?

– Ливадия. Это она.

– Ну да, – киваю я, – мы в курсе, что это будущая свино-

матка-рекордсменша.

— Как повезёт, — рассмеялась тётя Зоя и подмигнула почему-то Равилю, — от кабанчика тоже многое зависит.

Равиль, как водится, промолчал. Но было заметно, что смутился. Упоминание кабанчика вызвало в нём некие ассоциации, о которых мы никогда не узнаем.

Нелепость происходящего начала превосходить все мыслимые ожидания. Пунцовый Равиль, перевозбуждённый Кирка. Окраина ВДНХ, деревенская корзинка. Храпящая будущая свиноматка, укрытая голубым клетчатым одеяльцем. Предстоявшая ходка с этим розовым чудом на Киевский вокзал. По соседству вопили свиньи, блеяли козы, щебетали птички и стрекотали кузнечики. Шуршал об облака пульсирующий вращающийся земной шар. Облака натирались электричеством и изрыгали непрерывный гром. Это малыш тащил за верёвочку громыхающий зелёный танк. В наспех сфабрикованном пластмассовом силуэте, под угловатым облоем угадывались классические очертания легендарной тридцатьчетвёрки. Она то и дело изрыгала огонь, то есть бликовала на солнце. Звуки выстрелов терялись в общей грозе повествуемого момента.

Тётя Зоя щебетала инструкции, я слушал, но не слышал её. Точнее, я купался в переливах её музыкального раскатистого голоса, но был не в состоянии соединять звуки в слова, слова во фразы, а фразам находить смысл. Точнее я его даже находил, но это был не тот смысл. Мой был нелеп во всей

своей параноидальной красе, настойчив и назойлив, требовал отлить себя в бронзе. Выглядел я, вероятно, в тот момент довольно глупо, но ничего не мог с собой поделывать. Голос тёти Зои то приближался, то удалялся, а тут ещё он принялся множиться, нарастая в геометрической прогрессии. Я окончательно выдохся и оставил попытки понять, что же всё-таки происходит. Да и остальные, казалось, не выглядели перспективней меня в плане живого ума. Тёте Зое с нами в тот день явно не повезло. Вникать в инструкции никто не собирался.

Малыш подошёл ко мне, подтянул к ногам танк, направил на меня башню и сказал:

– Дыш-ш-ш!

– Порядок в танковых войсках, что ли? – неожиданно открыл рот Равиль.

– Ну, значит, и в свинотехнических войсках полный порядок, – ответил я и глубоко и безнадежно зевнул. Лишь каким-то неуловимым чудом едва не вывихнул себе челюсть. Гул в голове лавинообразно усилился. Границы горного эха развернулись стереобазой.

Тётя Зоя зависла на полуслове и внимательно проследила за моей распахнутой пастью во всех её откровенных фазах.

– Не обращайтесь на него внимания, – махнул на меня рукой дипломатичный Кирилл.

– Да, обратите лучше внимание вот на этого ответственного товарища, – сдал я Равиля. – А я пока на травке посижу.

А то что-то мне хреново. Звуки всякие в голове. Звёзды в глазах. Вот и землетрясение началось.

Горизонт предательски вильнул. Я едва устоял на ногах и медленно опустился сначала на корточки, потом опрокинулся пятой точкой и медленно завалился вбок.

– Воды! – только и пробормотала тётя Зоя.

Была ли вода или нет – я не в курсе, но характерный запах нашатыря вернул меня в мир голубых елей, спящих поросят и военного билета в кармане.

– Что ты съел после тренировки? – привязался с пристрастием Мазут.

– Трентал.

– На пустой желудок?

– Конечно! Сегодня ж мимо обеда. Впрочем, пломбирчиком-то мы вместе баловались! – вспомнил я.

– Этого недостаточно. Тем более ты не пил ничего.

– Ну как же ничего? Напёрсток коньяку.

– Дурень. Я про воду.

– Пил воду из-под крана после тренировки.

– Это давно было. Тётя Зоя, ему надо пить!

– Идёмте, мальчики. У нас свежее козье молоко есть. Олесья Пална только надоила.

– Молока можно, пожалуй, – согласился Кирилл.

– Я никогда больше не буду смешивать трентал с алкоголем, – поклялся я.

Тётя Зоя проводила нас через служебный вход на Сель-

скохозяйственную улицу. Никаких «Волг» там не проглядывалось. Лёнча тоже не было. Попереминались с ноги на ногу минут десять. Ситуация не изменилась. Время начало поджимать. Тётя Зоя, нерешившаяся оставить нас, спохватилась, что рядом же ещё один вход на выставку. Мы стоим на «Лихоборском», как договаривались, а Лёнч мог перепутать и подъехать к соседнему, «Совхозному». Равиль жестом показал, что сбегает туда на разведку. Вернулся через пару минут, отрицательно покачал головой. Отдышался. Показал, что сбегает в противоположную сторону. Вернулся также через пару минут, довольный и раскрасневшийся.

– Заглохли они. В низине, где Лихоборка протекает, ну где дырка в Ботанический сад.

– Это у Старосвибловского моста, – подсказала тётя Зоя. Поспешили вдоль забора. Улица Сельскохозяйственная в тех краях не имела тротуара. Нечастые автомобили шарахались от нас, как от чумы. Хотя у нас была справка о том, что поросёнок чумкой не болеет.

Видавшая виды салатовая «Волга» с пятнами свежей краски поверх покрашенных шашечек, разлаписто оккупировала прямоход проезжей части. Запыленные лысые покрышки стыдливо высывались из-под гнилых арок, заботливо обмазанных кузбасслаком. Попутки тормозили, пропускали встречных и, поддав газку, объезжали бедолагу.

– Ни одна сука не остановилась, – развёл Лёнч руками с кулаками на законцовках.

– Аккумулятор мёртвый, – оправдывается водила, какой-то Лёнчевый знакомый юнец.

– Фигня, я сейчас подтолкну, – возбудился Мázут.

– Кирилл, тут в гору, – пытался урезонить его я.

– Говно вопрос, – отмахнулся он и встал в распор между задним бампером и разбитым асфальтом.

Ей-богу, он бы вмял этот несчастный ржавый бампер вглубь багажника, если бы юнец оперативно не снял автомобиль с передачи. Охнув и скрипнув рессорами, «Волга» пришла в движение. Кирка загнал её на пригорок, словно санки в солнечный морозный день. Юнец подоткнул вторую, бывшее такси дёрнулось в падучей, затряслось криворуко отрегулированным зажиганием, зачихало несгоревшей смесью и, о чудо, завелось, изрыгая клубы сизого дыма из-под изношенных маслосъёмных колец, обильно сдобренные отложениями в жиклёрах и нагаром клапанов. Юнец подгазовал, пытаясь выровнять обороты холостого хода, затем извлёк ко чергу обратно в нейтраль, отжал сцепление, притормозил. Мы набились в просиженный и заплёванный салон из растрескавшегося кожзама, с торчащим тут и там изъеденным жизненной правдой поролоном, хлопнули дверьми с неисправными замками, помахали тёте Зое. Агрегат тронулся. До отправления поезда оставалось ровно сорок пять минут. То есть впритык. Особенно, если учесть склонность пенсионераглохнуть и слепнуть.

Баржа плыла по волнам проспекта Мира. Поросёнок мир-

но прихрюкивал во сне. Лёнч принялся рассказывать, как они вообще чудом завелись в гараже. Но, если б не заглохли, то приехали бы вовремя. Выяснилось, что юнец подрабатывал мойщиком в таксопарке. А там списывали «Волги». В основном, в довольно приличном состоянии, и разлетались они «по своим». Этот автомобиль с пробегом полтора миллиона километров был чуть ли не единственным, который списали действительно по делу. В итоге он с трудом обрёл нового владельца, ибо других желающих на эту утварь не нашлось. Ирония, по словам Лёнча, заключалась в том, что мойщик выкупил этот автомобиль в частную собственность по цене далеко не самой крутой стиральной машины.

– О, други! – привлёк я внимание пассажиров «Волги». – Вы присутствуете при рождении абсолютно нового явления в СССР.

– Опять что-то выдумал, – укоризненно буркнул Мázут.

– Вашему вниманию предлагается новейшая расшифровка аббревиатуры НЛО – **Неликвидный Легковой Объект**. Вдумайтесь, этот автомобиль оказался никому не нужен, и его предложили выкупить мойщику, мельчайшему винтику шофёрской индустрии.

– Да уж, – согласился Лёнч. – Обычно машина – это горячий пирожок. Только выкати её в Южный порт⁴³.

Народ призадумался. Свернули направо на Садовое. Пе-

⁴³ В районе Южного Порта находился единственный комиссионный магазин автомобилей в Москве в период СССР.

ревалили по мосту Самотёку.

– Вон! – заорал я. – Вон там Вася Васильков.

– Ты чего орёшь? – пинает меня Мázут. – Свиноматку разбудишь.

– Так ведь, Вася... Вон он под часами театра Образцова...

– Ну и что?

– Я хотел расспросить его, обменял ли он свои разорванные стельники? В части тогда не выяснил этого, мы же стремительно сорвались...

– Что за стельники?

Я рассказал ребятам про то, как Вася нашёл кусочки сто-рублёвых банкнот. Народ впечатлился.

– Если у него их полная ладонь была, там, может, и целая тыща! – уважительно подытожил Лёнч.

На перекрёстке с Петровкой нас хлопнул гаишник. Привстали на островке. Движок не глушим. Документы в порядке, но нет техосмотра. Гаишник взялся проверять световые приборы. Отгнил контакт на правой фаре – пропал ближний, частит левый поворотник, не горят тормозные сигналы. Гаишник объявил, что эксплуатация данного автомобиля запрещена. Велел нам двигаться на выход. Юнец что-то вякнул. Гаишник парировал, что сейчас пригласит бригаду замерщиков «Ц-О»⁴⁴. Юнец окончательно завял.

Инициативу перехватил Лёнч.

– Нам нельзя не ехать. Мы на Киевский вокзал опаздыва-

⁴⁴ Монооксид углерода, угарный газ (СО).

ем. Сорвём социалистическое соревнование.

– Какое ещё социалистическое соревнование? – не втыкает гаишник, но напрягся.

– Передовики производства из павильона «Свиноводство» на ВДНХ передали передовикам производства колхоза «Перемога» Конотопского района Сумской области свиноматку-рекордсменшу миргородской погоды. Она должна быть срочно доставлена на Киевский вокзал к поезду Москва – Сумы.

– Свиноматку-рекордсменшу? – присвистнул гаишник.

– Да, её нельзя оттормозить. У неё режим. Всё рассчитано. График кормлений, прививок, сна и бодрствования, приём витаминов, измерение пульса и электрокардиограмма.

Лёнча понесло. Мы следили за ним, раскрыв рот.

– Где ваша свиноматка? – не верит гаишник. – В багажнике, что ли? Перевозка скотины в багажнике запрещена.

– Вот, в корзинке, – любезно подорвался Кирилл и приподнял одеяло.

Взору гаишника предстала мордаха мирно дремлющего розового поросёнка.

– Это свиноматка?

– Да. Будущая. Редкой миргородской породы. Народное достояние Союза ССР, – Лёнч готов был повесить на хрюшку генеральские погоны, а на её рульки – генеральские лампасы, если потребуется. – Советские учёные: генетики, животноводы, свиноводы, повсеместно борются за разведение сви-

ней данной породы, позволяющие резко увеличить свиное поголовье и насытить прилавки мясных магазинов марочной молочной свининой. Вовлечённый в планы партии и правительства нашей страны, коллектив колхоза «Перемога» борется за переходящее красное знамя. Свиноматка поможет резко нарастить поросяторождаемость на предприятии.

Лёнч перевёл дух и тихо добавил:

– Нельзя подводить товарищей.

Гаишник тупил на Лёнча, тупил на корзинку с поросёнком, тупил на нас...

– Вот вы, товарищ младший лейтенант, хотите видеть на прилавках молочную поросятину? В достатке. Без очередей? – подхватил эстафету Мázут.

– Ну, хочу, – проронил он.

– И мы хотим. Вот и помогаем ответственным товарищам воплотить в жизнь продовольственную программу партии.

– Программу?

– Ну, по обеспечению трудящихся продуктами питания.

– Понятно. А сами-то кто будете?

– Динамовцы мы, – вступаю в беседу я. – Легкоатлеты.

Про эстафету на Садовом кольце слышали?

– Не только слышал, но и в оцеплении стоял.

– Ну вот, мы там бежали.

– Продули.

– Ещё бы не продули. За Профсоюзы теперь полстраны выступает. Все клубы слили в один мощный спортивный ко-

оператив. Поди не продуй, – обиделся я.

– Да ладно... Не дуйся. Сейчас решу ваш вопрос.

Гаишник направился к патрульному автомобилю. В нём просматривался силуэт начальства. Опустилось державное стекло. Наш офицер пригнулся. Неторопливо переговаривали. Не знаю, о чём там шла речь, но так сложилось, что в голове колонны выдвинулась официальная машина советской государственной автоинспекции с пыхающими вращающимися мигалками на крыше. Оба союзных попами матюгальника, правда, безмолвствовали. А завершала колонну, собственно, наша крашеная-перекрашенная развалюха, таксомотор на пенсии.

Две «Волги» по-барски оккупировали левый ряд Садового кольца и без особой помпы поплыли в сторону тоннеля под площадью Маяковского.

– Воистину, никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь, – пробормотал поражённый юнец, когда отваливали с «островка».

– Господь, ой, что я говорю, верховный Партком Парткомыч, соломки-то на самом деле не нам, а ефрейтору Чевапчичу подстелил, чтобы его параноидальная идейка с пороснёй как по маслу проскочила, – говорю я, чтобы замазать банальность водилы.

– Благоволит Парткомыч Чевапчичу, ой благоволит! – подтвердил Лёнч.

– Ну и мы заодно в шоколаде, – возбуждается Мázут. –

Интересно, а можно гаишника с мигалкой заказать на свадьбу? Возглавить свадебный кортеж?

Мы снисходительно посмотрели на героя-любовника.

– А что? Мне с Лизкой скоро свадьбу играть. Так пусть нас гаишная «Волга» сопровождает. Это и круто, и оригинально.

– А ещё пожарные и скорая помощь, – ржу я.

– Пожарка на фиг не нужна, а скорая не помешает, – жжёт Кирилл. – Знаю одну персону, которая на нашей свадьбе так нажрётся, что лучше бы её вывезли в официальном направлении.

– Подполкан?

– Он самый.

– А Лизка не дуется на тебя, что ты про него так пренебрежительно отзываешься? Всё-таки родственник!

– Она его терпеть не может.

– Ну-ну. Это ты уж, скорее всего, загнул, – вмешался Равиль, как всегда, думая о чём-то своём.

Ближе к Смоленке поросёнок принялся просыпаться. В корзинке началась возня. Мázут приподнял плетёную крышку и на него уставился невинный глазище. На наше счастье животное пока ленилось выбраться наружу, видно, действие димедрола ещё не закончилось. В бумажном пакете оказались бутылочки с молоком. Мерные деления, на горлышках – соски. Как из раннего детства! Поросёнок присосался не на шутку.

– Ты там полегче добро разбазаривать, – одёргиваю я Ки-

рилла. — Он и так пока не буйный. Молоко пригодится, когда мы вспотеем от его проделок. Тем более что еду наверняка сначала в водяной бане подогреть надо. Не ровен час, свинина простудится по дороге!

— Ты прав, — согласился Мázут и с трудом выдернул соску из-под пяточка. — Ого! Вот это силища!

— Словно он весь — одна большая мышца, — подтвердил я. — Свиной моллюск!

Поросёнок икнул, булькнул. Надулась пена. В его глазище читалось блаженство.

Кирилл подоткнул клетчатое одеяльце и накрыл корзину крышкой. Возня возобновилась не скоро. Мы уже сворачивали на Дорогомиловскую. Раздолбанное шасси промотыляло рессорами над Москвой-рекой и аккуратно завернуло налево, к Киевскому вокзалу. На красный. Гаишная «Волга» впервые за всю дорогу скрипнула из матюгальников, и покорный встречный поток встал, как вкопанный. Пришлось держать марку — не отстать. Подвалили к памятнику железнодорожной архитектуры. Юнец не стал глушить двигатель. Обещал ждать нас здесь. Мы побросали свои спортивные сумки, вылезли из машины и попёрлись искать поезд.

Часы на Киевском вокзале показывали пять минут восьмого. Лёнч воспользовался преимуществом своих длинных шагов и существенно опередил нас.

— От тюрьмы и поезда на Сумы не зарекайся, — подковырнул я.

– Типун тебе... – отмахнулся Мázут.

Мы приблизились к тупикам за ажурной аркой старинного остеклённого перрона.

– Вон, Леонид машет, что ли, – привлёк наше внимание глазастый Равиль.

Зелёный состав буднично готовился в рейс. Последний вагон оказался четырнадцатым. До третьего ещё надо добежать. Дикторша издевается, что до отправления пассажирского поезда номер 185 Москва – Сумы осталось пять минут.

Что было делать? Понеслись. Огибая тележки вокзальных грузчиков. Перескакивая через котомки и чемоданы. Пропыгнув под носом у провожающих граждан. Виртуозно миновали брошенную взмокшую авоську с безнадёжно разбитым пивным изобилием. В одном из плацкартных вагонов кому-то сейчас обидно до слёз.

Кирилл плотно прижал к себе корзинку. Другой ручищей зафиксировал плетёную крышку, чтобы не слетела. Я размахивал картонной папкой. Равиль зажал под мышкой пакет с молочными бутылочками. Картина была бы вполне респектабельной: в самом деле, бегут ребята по платформе, вдоль вагонов – это ли не русская удаля? Национальный вид спорта... (Пять минут, пять мину-ут... Ну, это про Новый год было, но и тут ведь в самую тему!) Если бы не одно деликатное обстоятельство: нещадно встряхиваемый поросёнок принялся визжать на всю ивановскую, то есть в данном конкретном случае – на весь Киевский вокзал.

Тётя Маруся, как и полагается хозяйке передвижных чертогов, встречала нас на платформе. То, что именно мы тащили поросёнка, не вызывало никаких сомнений. Глотка поросёнка разрывалась от напряжения. Сердца граждан разрывались от сочувствия. Сотрудники линейного отдела внутренних дел разрывались между проходами и платформами, пытаясь определить источник истошных воплей.

– Я вже боялася, запізнітеся... – запричитала тётя Маруся. – Я ж потім вихідна, не скоро знову в рейс піду.

– Всё по плану, – заверил её Лёнч, обуздывая сердцебие-ние.

Поросёнок исчез в недрах вагона и замолк. Мы размеренно дышали, насыщаясь кислородом и обретая способность соображать дальше.

Тётя Маруся выглянула вновь. На этот раз она не вышла на платформу, а загородила собой тамбур. Дали зелёный. Поезд медленно тронулся.

– Счастливого пути! – крикнул Равиль.

Остальные лишь закивали головами. Мямлить что-то было не с руки. У Равиля с дыхалкой всё в порядке, для него спурт – дело привычное. А мы всё ещё дышали тяжело.

– Не встигла розпитати⁴⁵ вас про Стёпку... – заголосила тётя Маруся. Мы лишь помахали ей вслед.

– Уехала наша свинина, – посетовал Мázут, когда спустились с платформы на площадь.

⁴⁵ Не успела спросить (укр.).

– Кому что, а Чурило про жарчку, – подтрунивает Лёнч.

– А в армии сейчас ужин! – поддакиваю я. – Вероятно, жареный минтай с пюрешкой. Рыбный день же!

– Молчите, гады. А то я беляш себе куплю! – заводится Кира.

– Есть более изящные способы уйти из жизни, – пожимаю плечами я.

Равиль ржёт (ну-ну). Опять ему о чём-то своём напомнилось.

Возвращаемся на площадь перед вокзалом. Рыдван на месте. Гаишников нет.

– Слияли? – спрашивает юнца Лёнч, когда заваливаемся в списанное такси.

– Стояли-стояли, потом включили мигалку. Выскочил лейтенант, стремительно сунул мне документы в окошко. Махнул рукой, мол, не до тебя. Запрыгнул обратно. Завыла сирена. Рванули с места во всю прыть форсированного мотора.

– Кончилось действие парткомычевской соломки, – заключил я.

– Вернее, оно, в смысле, это соломенное действие, теперь переключилось на тётю Марусю, – уточнил Лёнч, – Ну, кому куда?

– Я на метро, – Кирилл захлопывает за мной дверь и отправляется в подземный переход.

– Одним меньше. Так, с Равилем понятно. А ты домой? –

Лёнч засверлил меня голубыми глазами.

– Я в Сербор.

– Тогда мы тебя на Маяковке высадим. На троллейбус пересядешь.

– Спасибо, друг!

Полупустая двадцатка бодро пронеслась по Ленинградке, расчертив своими рогами параллельные прямые электрических проводов. Аккуратно вывернула на Беговую, а оттуда на проспект Маршала Жукова. От «Полежаевской» народу поднабилося, но через три-пять остановок все куда-то рассосались. Мы с командиром электротранспортной единицы остались вдвоём. Троллейбус бодро освоил мост через рукотворную протоку реки и подрулил к кругу на Таманской улице. Краски, звуки, сладость серебрянноторского воздуха подняли настроение. А ещё было предвкушение вечерней прогулки с Ритой. В спортивной сумке лежала шоколадка «Сказки Пушкина» с тиснёной зóлотом жар-птицей на ярко-красной обёртке. Для неё. Или для нас. Как пойдёт...

На динамовской даче меня ждал сюрприз: Серёга Рубцов сидел за нашим столом, листал учебник анатомии, и по совместительству охранял от посягательств тёти Паши мою тарелку с четырьмя порциями творожной запеканки.

– Ужин уже закончился, а ты где-то бродишь, – прокомментировал он.

– Спасибо, друг! – только и ответил я. Ибо на самом деле был чертовски голоден.

Глава 6. Великий волшебник и Волшебный великан

На пятничной тренировке меня ждал сюрприз. Нет, понятно, что тренировки как таковой не ожидалось. Предстояла разминка перед завтрашними соревнованиями на первенство Московского городского совета «Динамо». Первый старт сезона. Тем не менее, шеф огорошил. Его идея граничила с гениальностью.

– Шансов выиграть юниорское первенство союза никаких, – буднично начал Никафёдч. – Попадёшь в финал – считай, отработал на все сто. Найдётся немало ребят, которые объективно сильнее тебя, несмотря на твои козыри: техника и подготовка. Но, это на первый взгляд. Нет спортсмена, который не мечтал бы стать чемпионом СССР. И я помогу тебе стать им.

Я хлопал глазами, не понимая, куда клонит тренер.

– Известно, что последний вид программы спортсмены недолюбливают. Они устали после забегов, полуфиналов и финалов на сто и двести метров. А тут их ещё заставляют бежать эстафету четыре по сто метров. Команды, как правило, слеплены наспех. Из тех, кто ещё не разъехался по квартирам и хоть как-то ворочает ногами. Тем не менее, за победу в эстафете выдаются такие же золотые медали, как и за по-

беду в индивидуальном виде. В прошлом году команды выставляли спорткомитеты. Сам понимаешь, если рулит спорткомитет Москвы, то сплотить спортсменов из разных клубов они не смогут. Но в этом году соревнуются именно клубы. В «Динамо» найдётся четверка сильных бегунов, твоего возраста, которых мы можем специально подготовить для победы в эстафете.

Мне уже всё стало ясно. Шеф предлагает рутинную обьязловку (ну не любят легкоатлеты, которые по определению индивидуалы, любые аналогии с командными видами спорта) превратить в сильный ход.

– Кроме того, по предварительной информации, на первенстве союза будет нестандартное расписание. В первый день стометровка, во второй – эстафета, а двести метров – в третий. Это нам на руку, не требуется закрывать несколько видов в один день.

Я кивнул в предвкушении.

– Я обсудил идею с Бартеневым – он дал добро, – закончил Дёмин.

Бартенев⁴⁶ – директор нашей спортивной школы олимпийского резерва по лёгкой атлетике МГС «Динамо». Сам в прошлом – знаменитый спринтер. Дважды брал серебро на олимпийских играх, в Мельбурне и в Риме – и именно в эс-

⁴⁶ Леонид Владимирович Бартенев (р. 1933) – советский спринтер, шестикратный чемпион СССР, пятикратный рекордсмен СССР, серебряный призёр XVI и XVII Олимпийских игр 1956 и 1960 гг., заслуженный мастер спорта СССР (1955), заслуженный тренер СССР (1980).

тафете 4×100 метров. Очевидно, что ему понравилась идея специально подготовить квартет бегунов к эстафете на чемпионате СССР среди юниоров.

– Сегодня будем тренировать передачу палочки. А завтра – пробный старт под занавес нашего первенства.

– А кто бежит?

– Из москвичей – Антон, Эдвин и ты.

– А кто будет четвёртым?

– Вернее сказать – первым. Стартует Алексей Семёнов, «Динамо» Ленинград. Он сейчас здесь. Познакомитесь ещё. Второй этап, дальняя прямая – Антон. Вираз третьего этапа – Эдвин. Ты – финиширующий.

– Всё ясно, Никафёдч. Отличная идея.

– Разминайся.

Видавший виды тартан Большой спортивной арены «Динамо», давно и безнадёжно выгоревший на солнце до едва розоватого состояния, пузырился на старте, где его искололи колодками, и на финише, где в клетках бывало особенно жарко. Это старинное покрытие было достаточно тонким. Динамовская дорожка среди бегунов слыла жёсткой, но оттого и быстрой. По ней бежалось легко и раскованно. Вираз можно было прописать с особой чёткостью, под самую бровку. Поступь шиповок контролировалась буквально вплоть до сантиметра. На дорожке царил свой особый микроклимат. Резина разогревалась на солнце и медленно отдавала тепло. На травке футбольного поля по соседству было прохладно,

а тут – Ташкент.

Именно на этом стадионе состоялись все мои личные рекорды на стометровке. Как на тренировках, так и на соревнованиях. Эта дорожка была самой любимой, несмотря на вздутия и заплатки.

Странно было бегать эстафету на тренировке. Обычно это последний вид программы соревнований. Одно-два усталых ускорения с палочкой в руке, втиснутой в чью-то ладонь впереди тебя. И команда «на старт». Здесь же у нас было полтора месяца на то, чтобы буквально довести процесс передачи палочки до совершенства. А совершенство это с лихвой сэкономит нам заметные десятые доли секунд, которые неизбежно потеряют соперники на небрежных передачах с этапа на этап.

Конечно, мы не неслись полный круг, а лишь отрабатывали гандикап. Бегун приближается к отметке, наклеенной широким пластырем на дорожку, принимающий спортсмен стартует, разгоняется, догоняющий продолжает мощный раскатистый бег. Их скорости выравниваются в том момент, когда между ними остаётся полтора метра. Это должно произойти внутри двадцатиметрового коридора. Вне его передача палочки запрещена, команда снимается с соревнований бдительными судьями. Звучит команда настигающего «хоп», выбрасывается назад рука с открытой ладонью. Туда вкладывается палочка, аккуратно, снизу-вверх, между большим и указательным пальцами. Кулак с палочкой сжимает-

ся. Эстафета передана. Можно молотить на всю катушку. А настигший бегун сбрасывает скорость и сходит с дистанции.

Удивительно, как этот нехитрый процесс может повлиять на результат. Спортсмен впереди может сорваться раньше, убежать вперед, тормозить ближе к концу коридора, чтобы не запороть всё. И наоборот, настигающий может врубиться в убегающего, который ещё не успел набрать скорость. А можно и попросту выронить палочку. Поднимать обязан тот спортсмен, который уронил, и никак иначе. Бывает, рука дёргается, никак не удаётся вложить палочку в ладонь. Или выбрасывается не та рука, (вариант: сам несёшь палочку не в той руке) – необходимо переложить палочку из левой (правой) руки в другую руку. Всё это съедает драгоценное время!

Мы быстро смекнули, что необходимо не только тренировать десятки нюансов, но необходимо договариваться, как и что. Решили, что Семёнов стартует с палочкой в правой руке, потому что он бежит вираж (против часовой стрелки). Удобнее, чтобы палочка была снаружи виража. Тем более, что бежит он по бровке, чтобы сэкономить даже самые ничтожные десятки сантиметров дистанции. Передаёт Антоше в левую руку. Тем временем Антоша сместится правее и бежит дальнюю прямую по правой половине своей дорожки, с тем, чтобы Эдвин пробежал второй вираж вновь по левой бровке. Антоша вкладывает палочку Эдвину в правую руку. Эдвину опять же удобнее, чтобы палочка была снаружи виража. Я, в свою очередь, тоже прижимаюсь вправо и получаю

палочку от Эдвина в левую руку. Так и финиширую.

Каждая пара передала эстафету раз по шесть. Шеф был удовлетворён. Даже за шесть раз можно впечатляюще обкатать технику передачи палочки. Что ж говорить о возможностях, скрытых в грядущих тренировках... На этом разминку перед завтрашним стартом решили завершить.

Мы расслабленно трусили заминочные круги. На ограждениях трибун тусили воркующие голуби. Солнышко весело грело раскрасневшиеся мордочки. Разогретые мышцы умоляли упасть на траву. Тем более, что газон заботливо подготовлен для очередного футбольного матча чемпионата СССР: подстрижен аккуратными широкими полосами – туда-сюда, а на изрытых бутсами пятачках посажена свежая травка. Бровка и штрафные размалёваны известью. Теперь служащий устанавливает на угловых красные флажки. Всё по высшему разряду.

Помню, как-то неприятно ныла пятка – обратная сторона жёстких дорожек. Они, безусловно, быстрые и реактивные, но ноги забиваются (и пятки отбиваются!) существенно быстрее.

На завтра собрались все. Открытие сезона – это всегда праздник. Внутриклубные соревнования чем-то напоминают олимпиаду (кстати, не за горами Сеул!): отменяются возрастные категории. Выступают все вместе, одной когортой: стеснительные румяные восьмиклассники и матёрые небритые прапоры.

В финале стометровки зарубились «ветераны». Лёха Пучков в своей тяжеловесной силовой манере опередил на десятку маститого Андрея Шляпникова⁴⁷, чем потом основательно гордился. То есть – задавался, выкатив грудь и приладив пальцы в несуществующую на олимпийке петлицу. Меня поставили на третью ступеньку пьедестала. С личным рекордом. Полезно было раскатиться за столь основательным паровозом – tandemом Шляпникова и Пучкова.

Эстафеты в первоначальной программе не было. Это была импровизация нашего шефа. По второй дорожке бежал квартет мастеров, ведомый недовольным Шляпниковым, директива организовать которому поступила в последний момент. По четвертой стартовала наша отлаженная накануне команда.

Почётный судья по спорту, Нимруд Васильевич Томас⁴⁸ привычно выстрелил из стартового пистолета, так же, как он делал это на московской олимпиаде. Стартовали Пучков и Семёнов. Старший Лёха легко привёз младшему Лёхе добрых пять метров. Но, в итоге, чуть ли не двумя руками всучил палочку барьеристу, который не особо понимал, что ему надлежит делать. Антоша легко сократил отставание на-

⁴⁷ Андрей Вадимович Шляпников (р. 1959) – советский спринтер, девятикратный чемпион СССР, двукратный чемпион Европы, участник XXII Олимпийских игр 1980 г. в Москве, мастер спорта международного класса (1979).

⁴⁸ Нимруд Васильевич Томас (1916-1995) – стартёр, арбитр, судья всесоюзной категории, почётный судья по спорту (1973). Герой фильма «Точное время судьи Томаса» (1984 г.).

шей команды. Третий этап за мастеров (очередной вираж) доверили прыгуну в длину. Барьерист с прыгуном передали палочку исключительно коряво, воткнувшись друг в друга, благо не выронили её. Затем прыгун с непривычки взял слишком широко, практически выскочив на третью дорожку. В итоге Эдвин передал мне палочку намного раньше, чем её получил замыкающий Андрей Шляпников. Я ощущал за спиной дыхание и поступь настигающего монстра. Но, сто метров – слишком короткая дистанция, чтобы в одиночку исправлять накопившиеся ошибки. Мы выиграли с неофициальным рекордом СССР для нашей возрастной категории. Засчитать его не могли, так как статус наших соревнований не соответствовал требованиям по фиксации не только рекордов, но и спортивных разрядов.

Шеф стоял на трибуне рядом с Бартеневым, покраснелся и сиял как начищенный медный рукомоЙник. Что-то возбуждённо втолковывал начальнику. Я готов был поклясться, что обещал тому более громкий и уже официальный рекорд на чемпионате СССР. Бартенев, как водится, молчал. Зачем озвучивать руководящую роль, которая и так всем ясна?

Я проковылял мимо, направляясь в раздевалку.

– Чего хромаешь? – окликнул шеф.

– Пятка.

– Зайди к доктору.

– Сама пройдёт, Никафёдч.

– Смотри у меня. Через неделю «Лужники».

Я и так знал, что скоро чемпионат Москвы. Чего напоминать? И далеко не был уверен в том, что боль в пятке рассосётся сама. Скорее наоборот. Знал, что экзекуции рано или поздно не избежать. Но пилить к доктору не хотелось. Чтобы упустить заказной автобус в Серебряный Бор, а потом пилить на троллейбусе? В раздевалке я встретил Лёнча.

– Как дела?

– Мы с Максом оба взяли два десять. По попыткам ноздря в ноздю. Пришлось обняться на второй ступеньке.

– Чтобы не спихнуть друг друга? Заклятые друзья и закадычные сопернички, – съехидничал я.

– Чтобы фотографу кадр не запороть, – поправил меня Лёнч, заряжая молнию олимпийки в ползунок.

– Ты Максу рожки не подставил?

– Подставил. А как же! – похвастался Лёнч.

– Он тебе наверняка тоже, – усмехнулся я.

Лёнч подтянул ползунок до подбородка и воздел ладони к небесам (в данном случае к пожелтелому потолку раздевалки, кем-то облитому приткой пепси-колой). Я вспомнил, как эти два неразлучных деятеля отечественных прыжков в высоту, незаметно подложили друг дружке по кирпичу в спортивные сумки в последний день сборов в Фергане. С богом! На обратную дорожку. Так и потащили их в Ташкентский аэропорт.

– Странно, что вас с Максом в одну часть служить не взяли.

– А что странного? Во-первых, он осенний. На полгода младше. Его призыв – следующий. Во-вторых, у нашего майора четырёхборье. Забыл? Ему только один высотник нужен.

Возразить было нечего.

– Валерка выиграл?

– Да. Два тринадцать. Мог бы и два шестнадцать взять, да снялся.

– Правильно, чего силы разбазаривать? Сезон только начинается.

– А я видел, как Шляпа за тобой гнался, – похвастался Лёнч. – Признаться, переживал.

– Болел за меня?

– Ага! Болел. Горлом. И сейчас болею, – Лёнч схватил себя за шею через воротник олимпийки. Выглушили бидон кваса в четверг, по дороге с вокзала. Холодный был, зараза. Тебе повезло – ты на Маяковке соскочил.

– А я нос по ветру держу.

– Тогда и карман шире держи!

– Зачем? – не понял я.

– Если вдруг из носа на ветру капать начнёт, чтоб добро не пропадало, – дооформил Лёнч шутку. – Физраствор, как-никак. В жизни пригодится.

– Пусть лучше из носа капель, чем из капельницы, – парировал я.

– Кому как повезёт, – развёл руками Лёнч.

Я к тому времени переоделся, а теперь присосался к кра-

ну. Прохладная московская водопроводная вода! Что может быть вкуснее после тренировки, а тем более соревнований, где подмешивается ещё и психическое опустошение? Какой там нафиг квас? Впрочем, от кваса я сейчас не отказался бы. Но Мосводоканал его по трубам не передаёт. Из крана его не высосешь. Как минимум, надо переться к метро. Нарыть в кармане шесть копеек за массивную полулитровую кружку. А что такое пол-литра, когда необходимо существенно восполнить запасы влаги в организме?

Лёнч уехал в Новогорск. Я – в Сербор. Автобус был битком. К Рите было не пробиться. Стояли в проходе. ЛАЗ крался грузно и неторопливо. Разбуженные акселератором клапана выли и вибрировали. Гудела трансмиссия. Тормоза скрипели. Стёкла дребезжали. Короче, ехали с музыкой.

На базе царило поэтизированное настроение. Цвёл румянец, распускались шутки. Котяра Шкиряк гордо шастал хвост трубой, словно на собственных именинах. Повариха тётя Паша раскатала три противня с пирогами, украшенными лентами из теста ромбиком. На каждый вывалила по литровой банке собственного варенья – яблоко, малина и чёрная смородина. От души. Пироги румянились, ароматизировали атмосферу. Из кухни притащили титан. Воткнутый в розетку, он электризовал атмосферу. Пили дымящийся крепкий чай, вкушали сытные пироги. Трындели, щебетали и базили. Шкиряк отирался в самой гуще событий.

Серёга Рубцов, пунцовый от славы, пролившейся на него в

тот день, ковырял курочку, запечённую специально для него целиком. Рядом лежала вторая, до поры непочатая. Он не просто выиграл толкание ядра, но и выполнил норматив мастера спорта СССР. Конечно, мастера ему пока не присвоят. Ибо, как я уже упоминал, на столь незначительных в календаре сезона соревнованиях, коими был наш столичный динамовский междусобойчик, попросту отсутствует судья необходимой категории для заверения столь высокого результата. Тем не менее, почин на сезон был задан неплохой. Серёга имел право на персональный праздник внутри коллективного.

Рубцов выхватил меня окриком из влившейся толпы, отломил аппетитную ножку с хрусткой кожицей и протянул её мне. Это был жест! Не оценить было нельзя. Я присел рядом, показал Серёге большой палец и впился в диетическое мясо птицы.

Подошла Рита. Я было дёрнулся передать ей надкусанную куриную ножку. Новорожденный мастер спорта пресёк мой порыв и отломил для Риты крылышко. Она поблагодарила, присела за наш столик и поделилась с нами, что заняла пятое место. Не бог весть, но она была довольна – а это главное. Ибо я тем более, а Серёга тем паче. Мы жевали курицу, обсасывали косточки. Обсасывали пальчики, пальцы и пальчищи. Переглядывались и бегло рассказывали друг дружке, как прошёл день на стадионе. Сердобольный толкатель ядра уступил девушке второе крылышко. Рита расцвела.

– Что-то я такая голодная сегодня, – призналась она.

– Оставь место для пирогов, – посоветовал Серёга.

– А ты?

– А я их не ем.

– Почему?

– Если я начну их есть, то вам не достанется, – отшутился богатырь.

– Серёге нужен белок, – объяснил я. – Вот если бы пироги были с мясом, рыбой, или хотя бы с яйцом – тогда как минимум один противень точно попал бы в его лапы.

Рубцов расплылся в румяной улыбке и кивнул.

– На варенье мышечную массу не наберёшь, – поддакнул он.

– А на мороженом? – подмигнул я.

Исполин залился краской. Его спалили.

– На мороженом Сергей набирает душевную массу, – спасла его Рита, заработав очки и третье крылышко, от которого, впрочем, отказалась.

Я вызвался сгрызть это крылышко, и мне было даровано с царского стола. Но Шкиряка такой ход событий не устраивал. Он нагло заглянул мне в глаза и получил-таки кусочек жирной шкурки.

– На котлетах мышечную массу тоже не наберёшь, а на курятине тем более, – полез я в бутылку, – это ж диетическое мясо.

– Как же быть? – запуталась Рита.

– Метандростенолон. А, Серёг? Ты сколько таблеток в день съедаешь?

– Пять-шесть, – отозвался простоватый богатырь. Обычно эти темы вслух не обсуждались.

– И пять-шесть тонн железа за тренировку?

Рубцов кивнул.

– Ты сколько жмёшь лёжа?

– Обычно двести-двести двадцать. Но могу и двести пятьдесят. Наверно и двести семьдесят килограмм смогу, но не пробовал. Тренер запрещает.

– Правильно запрещает. Эти рекорды тебе не нужны. Тебе ядро нужно толкать с рекордом. С твоими большими грудными и трицепсами ты, может, и триста двадцать пожмёшь. Ну, а если случится непоправимое: уронишь штангу на себя? Кому нужны твои покрошенные рёбра и сдавленные лёгкие?

Ритку передёрнуло:

– Скажешь тоже!

Серёга перестал жевать. В глазах его застрял ужас.

– Ничего личного. Я за технику безопасности и здравый смысл. Ты кушай курочку, кушай. Слушайся тренера и всё будет хорошо.

Так мы трещали, а Шкиряк вился вокруг Серёгиных тумбообразных икр, подхватывая лакомые кусочки, то ли оброшенные на пол, то ли сознательно ему дарованные. Праздник оказался поделён на всех.

Когда праздничный ужин подошёл к концу, плавно пе-

реместились в комнаты. Страсти утихли, чтобы разгореться вновь уже по другому поводу. Чем занять себя на сборах в те редкие часы, когда реально делать нечего? Паша схватил за хобот пошарпанную шиховскую гитарку за шестнадцать рублей с почерневшими от жира ладами, с тугими нестроящими струнами, разбившими в кровь пальцы нескольких поколений атлетов. Втёрся в девичью комнату. Приладил инструмент к коленке, заскрёб ногтями.

– Зачарована. Заколдована. Ветром в поле однажды обвенчана,⁴⁹ – безбожно перевирает Пашка слова Николая Заболоцкого⁵⁰, а сам замазал своим масляным взором гордую Стасю, которая поневоле светится теперь фосфорически. Выделена из косяка девчонок, словно карась на крючке, не зная, куда укрыться, как раствориться, как не пропасть. Девки, дайте руки! Не сдавайте меня этому чуду в перьях.

Ну, то, допустим, юркий прыщавый Пашка. А как развлекаются остальные? Чем ещё занимаются на сборах в свободное время? Правильно: поигрывают в картишки. Ну не в шахматы же играть, в самом деле? Что мы, курортники какие черноморских санаториев в полосатых пижамах?

⁴⁹ «Зацелована, околдована, // С ветром в поле когда-то повенчана, // Вся ты словно в оковы закована, // Драгоценная ты моя женщина!» – стихотворение «Признание», посвящённое Н. А. Роскиной из цикла лирических стихов «Последняя любовь» (1957 г.). Музыку на эти стихи написал ленинградский бард Александр Лобановский, заменив, впрочем, первое слово на «очарована».

⁵⁰ Николай Алексеевич Заболоцкий (1903-1958) – русский советский поэт и переводчик.

Итак, одним из основных развлечений на сборах в свободное время, были карты. Играли в очень интересную карточную игру под названием «мост», которая ни в каких других компаниях мне никогда не встречалась. Мы наивно называли эту игру на английский лад «бридж», хотя, как выяснилось гораздо позже, никаким бриджем она, конечно, не являлась.

Как известно, играть в карты можно на взятки, пример: преферанс. Есть игры, у которых смысл в том, чтобы побить карту. Это широко распространённые: дурак, бур-козёл. Есть игры-пирамиды, типа пьяницы, где конец игры вам только снится. Есть игры-пасьянсы, где раскладывается комбинация, пример: девяточка. Так вот, наш «мост» не имел ничего общего ни с одним из этих типов. Это абсолютно самобытная карточная игра, принцип которой заключался в том, чтобы собирать комбинации карт, т.е. строить так называемые «дела». Вы сами можете убедиться в компании друзей насколько игра интересная и захватывающая. Я сейчас расскажу, как в неё играть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.